

Артем Тимонов

ТЫ МОИ СВЕТ

18+

Артем Тихонов

Ты мой свет

<https://litres.ru/73731046>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под Новосибирском на местной АЭС происходит авария. В это самое время влюбленная молодая пара школьников из Новокузнецка приезжает в сибирский мегаполис на олимпиаду. Они еще не знают, что олимпиада для них станет настоящим квестом по спасению своих жизней.

Также, в книге представлены апокалиптические рассказы "Декабрьское небо", "Старик на скамейке". В первом пойдет речь о скромном историке, работающем в архиве, который случайно, в новогоднюю ночь, узнает старую легенду об Ак Патше, что, в последующем, меняет всю его жизнь. Второй рассказ пронизан мистицизмом, утратой дорогого, переосмыслением жизни и ее ценности.

Также в данный сборник вошли все мои рассказы и повести, кроме духовной литературы.

Артем Тихонов

Ты мой свет

Ты мой свет

Утро было пасмурным и туманным. Кусты крапивы все были в росе. Пахло влагой и свежей листвой. То и дело слышались легкие капли моросящего дождя. Ира выгуляла свою собаку, по кличке Джина, в дождевике быстро вернулась в свою теплую и уютную квартиру. На кухне работал электрический чайник, слышался голос матери.

–Ира! Завтракай скорей, тебе надо еще успеть в аэропорт.

Ира неохотно съела два бутерброда с сыром, наскоро приготовленными руками матери, запила сладким чаем. Раздался телефонный звонок.

–Это Гриша мне звонит – смущенно сказала матери Ира – я отвечу.

– Привет! Ты помнишь? В 10 часов в аэропорту – сказал смелый мальчишеский голос.

–Да-да, я уже скоро буду выезжать.

Мать Иры недовольно посмотрела на дочь, закатила глаза и ушла с кухни.

Гриша ехал в машине с своим отцом. На улице накрапывал дождь, люди все бежали с зонтами кто куда.

–Гриш, ты же понимаешь, что ты должен очень хорошо

выстрелить в этой олимпиаде? – начал отец – от этого зависит твое поступление в университет в следующем году. Выиграешь олимпиаду – сразу сможешь пройти без дополнительного экзамена.

–Я решил поступать в Москву, а не в Новосибирск – спокойно, но неловко сказал парень – поэтому вступительные экзамены придется сдавать.

–В нашей семье все технари, в Новосибирске прекрасный факультет. Ты собрался ехать в Москву из-за девочки?

Парень сидел и молчал.

–Значит, из-за девочки. Это твое дело, сын, тебе решать. Ты уже взрослый парень, сам принимай решение. А вот и аэропорт. Приехали.

Отец Николай помог Грише с багажом, хлопнул его по плечу.

–Помни, мы с мамой тебя очень любим и желаем тебе только добра.

–Я знаю, папа.

–Давай! Удачи тебе на олимпиаде. И без победы не возвращайся! Ха!

Самолет взлетел. Из родного Новокузнецка они летели в сибирский мегаполис – Новосибирск.

–Не бойся. Нам недолго лететь. Совсем – сказал Гриша.

–Я не боюсь – улыбчиво ответила Ира.

В Новосибирском аэропорту их встретило такси, они мча-

лись по дождливому городу, всюду слонялись вечно спешащие пешеходы, пробки, толпы на переходах, высокие здания вдоль широких проспектов – все это открылось взору старшеклассников из Новокузнецка.

Их быстро разместили в студенческом общежитии, и уже через час они отправились в главный кампус Новосибирского государственного университета на первый этап олимпиады. Сегодня была секция физики – самый любимый блок Гриши. Всех участников разделили на команды, Гриша попал в одну с Ирой, члены комиссии задавали вопросы, давали задачи, каждую из которых команды должны были решить за ограниченное время. Участников было крайне много. В зале стоял гомон, бурные обсуждения. После окончания первого этапа участникам предложили пройти в главный зал, где их ждал фуршет.

–Ну как тебе первый этап? – спросил Гриша – мне кажется слишком простым. Думаю, мы на все вопросы и задачи дали правильные ответы.

–Я тоже так думаю, Гриш, но завтра этап по математике. Я за него так переживаю. Мы даже не знаем, в каком формате он будет проходить.

–Я тоже физику больше люблю алгебры и геометрии, но, я надеюсь, мы справимся.

–Мне очень важна эта олимпиада, Гриш, я могу рассчитывать только на бюджетное место, а я же еще собралась в Москву.

–Я тебя понимаю. На меня тоже родители давят. Как это так, сын атомщика поступит на коммерческую основу. Ха.

–Ты отличник и очень умный парень. Тебе нечего бояться – сказала Ира.

–Ты тоже не глупая девочка.

–Ира! – слышалось среди толпы школьников – Ира Михалкова? Сколько лет – сколько зим! – подошел к ребятам какой-то пижон.

–Аа, Марк! Это ты! Как давно я тебя не видела! – радостно, чуть ли не визжа, произнесла Ира.

–Вы знакомы? – недоуменно спросил Гриша.

–Это мой друг детства! У нас бабушки жили в одной деревне под Новокузнецком, я там проводила свои каникулы, и Марк тоже приезжал на лето.

–Будем знакомы – недовольно пожав руки сказали парни.

–А пойдете ко мне? Чего вам в этой душной общаге уютиться? А я один! Батя уехал в Питер на конгресс, а младший брат в лагере. Вечером тусить будем, в клуб вас свожу – предложил Марк.

–Это здорово! – сказала Ира – Я так давно тебя не видела. Хочется столько всего спросить.

–Ну дак не будем терять времени. Погнали!

Парень сам уже водил машину, он на год старше ребят, уже совершеннолетний. Он привез их в роскошную квартиру в самом центре Новосибирска.

–Чувствуйте себя как дома! Эй, ты, как там тебя, выпьешь

со мной виски? Может коньяк? У меня батя в пролом месяце привез из Армении хороший коньяк – вальяжно предложил Марк.

–Я не пью – отрезал Гриша – нам завтра на олимпиаду вообще-то.

–Душнила? – хохоча спросил Иру Марк.

–Я отличник – сказал Гриша – и не хочу завалить эту олимпиаду.

–Да расслабься, Дима, не в олимпиаде счастье! – выпив сказал Марк.

–Я Гриша – сказал парень.

Ира решила разгрузить атмосферу.

–А как твоя мама? Она с вами не живет? – спросила девушка.

–Она бросила нас уже давно. Мне было 11, а может и 12, когда она уехала в Лондон с любовником.

–И вы не общаетесь? – спросила Ира.

–Нет – сухо и категорично ответил Марк.

Вечером они поехали в клуб. Гриша и Ира не пили ничего, уж слишком важна им была олимпиада, зато Марк пустился во все тяжкие.

–Да бросьте, ребята! – кричал он на них – живем одним днем! Виски еще!

Приехали уже к полуночи. Квартиру открывала Ира, так как Марк еле держался на ногах, по сути, висел на Грише.

–Не думал я, что твой друг детства такой балагун – нервно

и устало сказал Гриша.

—Он типичный представитель золотой молодежи — сказала Ира — но это не мешает ему быть хорошим человеком. Ты его просто плохо знаешь.

—Могли бы весь вечер готовиться к олимпиаде, по итогу, просидели в клубе, да смотрели, как Марк напивается — не мог успокоиться Гриша.

—Все — заключила Ира — идем спать. Завтра рано вставать. Скорее, придется ехать на метро до университета. Марк в таком состоянии не сможет нас отвезти.

Ира проснулась резко. На нее падал блеклый дневной свет.

—Мы проспали? — испуганно начала она — мы проспали!

—Нет! — сонно начал Гриша — еще не так много времени. Нам же к 13 туда.

—Не будет у вас сегодня олимпиады — мрачно сказал Марк в проходе — смотрите новости.

Все пришли в зал, где по телевизору горел местный городской канал.

«Внимание! Внимание! Говорит полиция! Сегодня в 9:30 утра в Солнцегорске на АЭС произошла авария. Просим жителей Новосибирска и области оставаться сегодня дома. Сходите в аптеку на выдачу бесплатного йода, немедленно вернитесь домой, закройте все окна и двери, не выходите на улицу! Включите телевизор или радио! Следите за новостя-

ми! Принимайте йод, следуя выданной вам инструкции. При выявлении ухудшения самочувствия немедленно вызывайте скорую помощь! Не паникуйте, сохраняйте спокойствие. МЧС предупреждает».

–Смотрите теперь другой канал – переключил Марк.

«Аэропорт Новосибирска переполнен. Люди в панике скупают последние билеты на все ближайшие рейсы. Железнодорожный вокзал также переполнен. Как сообщают диспетчерские – все рейсы будут сегодня отменены. Автовокзал уже закрыл свой вход и выход. На железнодорожный вокзал и аэропорт прибыла полиция. Участились случаи нападения на сотрудников органов правопорядка. Власти призывают окающих жителей сохранять спокойствие».

«Все дороги и трассы переполнены, все, буквально, стоит в пробке. Движения нет совсем. Общественный транспорт Новосибирска прекращает свою работу. Все автобусные маршруты на сегодня отменены. Метро Новосибирска встало. Всех пассажиров выгоняют с платформ».

–А далеко отсюда Солнцегорск? – испуганно спросила Ира.

–Километров сто будет, по трассе. Напрямик будет 70-80 километров. Ветер дует в сторону Новосибирска. Плохи дела! – сказал Марк.

Раздался телефонный звонок.

–Это папа! – крикнул Гриша – он атомщик, подскажет, что нам делать!

–Бери скорее! – кричала Ира.

–Гриша! Это ты? Ты уже в курсе? – раздавался нервный голос отца.

–Да, пап, мы в Новосибирске. Что нам делать? Всем жителям сказали идти в аптеку за йодом.

–Это все ерунда! Слушай, сын, бегите из города! Слышишь? Никакой йод вас не убережет! Как можете, бегите. Не теряйте не минуты!

–Все так плохо? – спросил Гриша.

–Все ужасно, сын! Реактора больше нет! Огромная туча движется на Новосибирск! Беги, пока у вас еще есть время! Как можете! Избегай любого контакта с дождем – сразу хватаешь дозу! При возможности укройся, но лучше беги и скорее, сын!

–Ты где, папа?

–Я еду в Сонцегорск, меня туда отправили, как ведущего сотрудника. Не думай обо мне, сын, беги, беги, сынок!

–Отец! Отец! Черт! – кричал Гриша.

–Мы все слышали, Гриша! – сказала Ира.

–Связь пропала! – чуть не плача говорил Гриша.

–Я тоже не могу дозвониться до отца в Питер! – возмущался Марк – мой брат! Он же в лагере! Я должен его забрать!

–Где он, Марк? – нервно спросила Ира.

–В лагере! – хватаясь за голову кричал Марк.

–Где он? Лагерь где? – выпытывала Ира.

–По дороге в Солнцегорск! – плача завопил Марк – я без брата не поеду! Я за ним! Я за ним!

–Не придумывай! – кричала Ира – ты не сможешь туда добраться, направление перекрыли. Их эвакуируют, не переживай!

–Марк! Мой отец много лет работал на Белоярской АЭС, сейчас он преподает в университете физику! Ему нужно доверять! Если он сказал бежать, значит, надо бежать! Ты погубишь себя! – говорил ему Гриша.

–Я без брата не поеду! Не поеду!

Марк быстро оделся и побежал на улицу. Ира за ним, Гриша тоже. Он быстро сел в машину, Ира тоже запрыгнула.

–Вы ненормальные! Нам бежать надо! Вы едете навстречу гибели! – кричал Гриша.

–Марк, послушай его, пожалуйста – умоляла Ира.

–Я без брата не поеду!

Гриша быстро запрыгнул в машину, и она погнала по широкому проспекту. Всюду бегали люди: дети, старики, взрослые. В аптеках были огромные очереди, все дороги и переходы были забиты людьми и машинами. В городе царил хаос. Раздалась тревога. Несколько машин полиции и ряд скорых с мигалками и сиренами пытались проехать, но встали в огромной пробке.

«Внимание! Внимание! Говорит полиция! Всем жителям Новосибирска рекомендуется вернуться домой и не выходить на улицу! Закройте все окна и двери! Включите телеви-

зор и радио! Следите за новостями! Принимайте йод, следуя выданной вам инструкции! При обнаружении ухудшения самочувствия немедленно вызывайте скорую помощь! Все дороги из города перекрыты! Соблюдайте спокойствие! Не мешайте службам выполнять работу!».

—Это бессмысленно! — кричала Ира — мы все равно никуда не уедем! Давайте вернемся в квартиру и сделаем так, как сказала полиция.

—Марк, ты куда? — кричал Гриша.

Марк бросил машину и побежал по забитому проспекту. Ребята последовали за ним.

—Марк, стой! Куда ты? — умоляющее кричала Ира.

Тут понеслась огромная толпа людей, началась настоящая давка.

—Она идет! Она уже рядом! Радиация! Радиация! Смерть всем! Всем смерть! —кричала окаянная толпа.

Ира с Гришей резко остановились. Со стороны выезда из города надвигалась огромная черная туча, гремел гром. Дул сильный ветер.

—Марк! — кричала в толпу Ира — Марк! Ты где, Марк!

Его уже было не видно. Со всех сторон бежала оголтелая толпа.

—Ира, бежим скорее! — кричал Гриша — быстрее!

Они побежали вместе обратно, туда, куда неслась толпа. Полил ливень. Все кричали, орали, топтали друг друга, все бросали, прыгали с машин, по машинам бежали. Ничего не

было слышно, кроме визга и ора.

–Вон метро! – кричал, еле бежавший Гриша, туда!

–Я не слышу! – кричала из последних сил Ира.

–Я говорю, вон метро! Укроемся там!

Они, вместе с толпой, забежали в вестибюль, оттуда через турникеты перепрыгнули на платформу, с нее на рельсы, и побежали по самому тоннелю.

–Куда мы бежим? – кричала, задыхаясь, Ира.

–Нам надо на конец ветки – прокричал незнакомец в толпе – оттуда выберемся на другой конец города. По той дороге можно будет выбраться из города.

Поезда не ходили, электричества не было, все бежали напролом, кто-то включал телефонный фонарик.

–В метро должно быть чище – продолжал незнакомец – здесь еще меньше уровень радиации должен быть.

Часть людей убежала, часть повалилась прямо в тоннеле, часть остановилась на платформе следующей станции. Так сделали и Ира с Гришей.

–Что это за станция? – еле произнес Гриша.

Какая-то девушка посвятила фонариком и стала искать название.

–Гагаринская – сказала она.

–Нам долго еще? – теряя сознание спрашивала Ира.

–Нам надо до Площади Маркса, считай, всю ветку еще пройти.

–У меня нет сил, Гриш – шептала уже Ира – я дальше

не пойду. Пойдем на воздух, пожалуйста, мне здесь нечем дышать.

— На улицу нельзя, там радиация. Выйдешь — облучишься — сказал Гриша.

— А здесь? Здесь разве нет радиации?

— Здесь ее, в любом случае, меньше. Помни слова моего отца: при возможности укройтесь.

Прошло два часа. Маленькая группа людей шла по темно-му тоннелю, на каких-то станциях останавливались, отдыхали, одну и вовсе сразу прошли. Прошло еще часа три. Сил не было ни у кого. Из спутников осталась только Ира с Гришой, да и та девушка. Остальные либо отказались дальше идти, либо просто падали от усталости и больше не вставали.

— Октябрьская — сказала девушка — только что прошли Октябрьскую. Сейчас будем проходить крытый мост через Обь.

— Я больше не могу, Гриша — падая говорила Ира — иди дальше без меня. Меня тошнит, силы покидают меня.

— Меня тоже тошнит, но нам надо идти дальше.

Они не считали более времени, просто шли по бесконечному черному тоннелю. Все шли и шли. Они ни о чем уже не думали: ни об олимпиаде, ни о Марке, ни о вчерашней посиделке в клубе, ни о доме.

— Пришли! — радостно сказала девушка — весь день убили, но дошли! Площадь Маркса!

Они не помнили, как вышли на улицу. Помнят только глоток пыльного сжатого воздуха, тусклый свет вечернего фо-

наря, и блеск далекой звезды, блуждающей на просторе черного неба.

Гриша открыл глаза. Все было мутно. Затем она снова попытался открыть глаза, перед ним был размытый силуэт ее – матери. Она плакала, сидела и плакала. Еще часок другой, и он пригляделся. Пелена с глаз сошла, теперь он видел ее ясно.

– Где я? – сипло спросил он мать.

– Ты в больнице, Гришенька – плача говорила она – в больнице, в Москве.

– Как в Москве? Как долго? Что со мной было?

– Ты ничего не помнишь?

– Я помню метро. Как мы шли по тоннелю. Потом ничего. Пустоту.

– Вас нашли без сознания, со всеми больными вывезли в Москву. Мне сообщили, и я сразу прилетела сюда.

– Что с Ирой? Как она?

– Не знаю, сынок. Ты тут уже второй месяц. Бедненький мой! Весь исхудал! Побледнел! Зараза какая! Ну надо ж так получилось! Ну как так?

– Как второй месяц? Ну что со мной?

– Лучевая болезнь. Ты схватил большую дозу, сынок. Тебе назначили длительный курс лечения, тебе еще долго придется здесь быть.

– А как же ты?

—Я сняла квартиру тут недалеко, каждый день прихожу тебя навещать. Ты не беспокойся. Главное поправляйся, сынок.

—А что с папой? Я говорил с ним в тот день. Он же поехал туда, в этот Ад.

Мать зарыдала, ее руки затряслись.

—Сынок, пожалуйста, я не могу тебя обнадежить. Его больше нет. Вся их группа была смертниками. Они попали в настоящий Ад.

—Пап... Папа... Мой папочка...

Прошло несколько недель. Гриша чувствовал постоянную слабость, сил у него не было, аппетита тоже. Каждый вечер он лежал под капельницей, то и дело пил какие-то витамины, которые ему давали врачи. Он много раз спрашивал у персонала насчет Ирины Михалковой, но никто не давал ему никакой информации.

—Может, в какой-то больнице тоже есть оттуда? — испуганно и неловко он спрашивал.

—Нет — сухо отвечали ему врачи — только в нашей больнице размещены больные из Новосибирска.

Ему нельзя было гулять, он часами стоял у окна и смотрел на прекрасный сад, разбитый около больницы. За ним виднелась дорога, по которой часто ездили московские синие автобусы.

Иногда ему разрешали посмотреть телевизор. Если что он

и смотрел, то только новости. Пытался найти хоть какую-нибудь информацию о пострадавших.

«Авария на АЭС в Солнцегорске признана самой крупной аварией в атомной энергетике за всю историю. Новая зона отчуждения простирается на 50 километров от разрушенного реактора. Вход в зону строго запрещен! Это охраняемая зона! Все сведения о пострадавших вы можете узнать в справочной службе».

Спустя еще один месяц он, все же, узнал местонахождение Иры Михалковой. Она находилась в этой же больнице, но только этажом выше – в отделении, где лежали, как говорили, обреченные, или с острой лучевой болезнью.

Он поднялся туда, его пустили, так как ему, на днях, как раз исполнилось 18 лет, и он в праве сам решать и принимать решение: идти ему в красную зону или нет. Он пошел. В палате, на которую ему указали, он увидел изнеможенную худую, бледную и лысую девушку. Он долго стоял в проходе, все приглядывался, спустя минуту произнес ее имя.

–Ира... Ты мой свет. Наконец, я нашел тебя.

Она обернулась, на ее худом и бледном лице сияли огромные голубые глаза. Из них струился легкий поток слез. Она поплакала, но тут же достала носовой платок, вытерла слезы, и преданно смотрела на Гришу – старого друга, с которым ей не суждено было написать олимпиаду, о которой они совсем уже и позабыли.

—Нашел меня. Но зачем? Посмотри на меня, Гриш. Я умираю. Мне недолго осталось. Уходи скорее. Ты можешь еще больше заразиться. Пусть у тебя будет шанс на выздоровление.

—Я хочу быть с тобой. Не гони меня, пожалуйста. Это мой выбор. Если нам суждено умереть, то умрем вместе, а если нет, то продолжим жить и благодарить судьбу за каждый прожитый день.

Он обнял ее, погладил по голове, она еще пуще расплакалась.

Теперь они не расставались. Каждое утро он заходил за ней, они гуляли по больнице, на улицу им редко разрешали выходить. Один раз он нарвал в саду букет пышных красных и редких желтых роз и подарил ей. Она вдохнула запах свежих цветов.

—Как ощущала этот дурманящий запах цветов. Спасибо тебе — улыбчиво сказала она.

Они сели на скамейке, долго смотрели на сад, который скоро зачахнет, так как надвигается осень.

—Как думаешь, наши одноклассники будут нас вспоминать 1 сентября? — спросила Ира.

—Это неважно, Ир. Мы к ним больше не вернемся никогда. Это прошлое. Былая жизнь.

—Мы умрем? — немного равнодушно спросила Ира.

—Мы выбрались из Ада, чтобы жить. Скольких усилий это

стоило. Мы будем жить, но мы не будем более прежними. Мы переродимся, возродимся, и будем жить.

—Мне он сегодня снился — начала Ира.

—Кто?

—Марк.

—И?

—Я не помню сам сон, помню только, что он там был. Такой грустный. А я ведь его, при жизни, грустным никогда не видела.

—Потому что он балагур? — шутливо спросил Гриша.

—Ха! Отчасти, да. В душе он ранимый человек. На публику хотел казаться весельчаком и балагуром. Помню, в детстве, он сильно переживал ругань родителей. Уверена, развод мамы и папы он тяжело перенес. Бедный.

Гриша промолчал.

—Как думаешь, он спасся?

—Не знаю, Ир. Но здесь его точно нет. Я узнавал.

—Я скучаю по Джин. Это моя собака, если помнишь.

—Конечно, помню. Твои родители навещали тебя здесь?

—Да, были пару раз. Они работают в Новокузнецке, они не могут тут надолго оставаться.

В холле больницы висела красивая картина «Волшебная гора» внизу с пометкой «Написана в окрестностях Новосибирска».

—Вы, юноша, смотрю, все на картину любуетесь — сказал

пожилой мужчина.

– Да, красивая очень – сказал Гриша, отдыхающий после прогулки.

– Мистическое место, скажу я вам – продолжал старик – считалась эта гора у местного северного народа святыней. По их преданию, на ее вершину спускается сам Бог Солнца. Нельзя гневить этого Бога, нужно, наоборот, замасливать, тогда он вознаградит, а нет – накажет.

– Ясно – недоумевающе посмотрел Гриша на странного старца.

Однажды, одним вечером, Гриша с Ирой сбежали с территории больницы. Уж больно им охота было погулять по вечерней Москве. На метро Ира наотрез не поехала, доехали на автобусе. Вот они идут по набережной Москвы-реки, вдали виднелся сказочный Кремль, озаренный светом прожекторов. Москва-река, по-прежнему, течет, по ней, как и всегда, плавают прогулочные теплоходы, катера. Ребята оглянулись назад, где величаво красовалась высотка на Котельнической набережной. На Красной площади было не так много людей. Молодая пара, с радостью, зашла в Гум, затем в Александровский сад, Манежную площадь, потом отправились на Воробьевы горы, прокатились на канатной дороге, посмотрели вид вечерней дивной Москвы-красавицы с смотровой площадки. Они были счастливы в этот вечер. Очень. Ира не могла больше идти, сказала: «Дай, отдохну». Сели на

скамейку, за ними возвышался главный корпус МГУ.

–Помнишь, а ведь мы хотели учиться в Москве? – радостно начал Гриша.

Но ответа он так больше и не получил. Он увидел лишь только счастливое лицо Иры, оно было прекрасным. Он поцеловал ее.

«Ты мой свет. Навеки. Я очень счастлив, что мы вместе: вместе находимся, вместе гуляем по вечерней Москве».

Он смотрел вдаль, на дивный вид Москвы-красавицы, смотрел еще долго. По его лицу текли горячие слезы. Лишь одна мысль пробежала в его голове: «А Москва-река, по-прежнему, течет».

Декабрьское небо

Новогодняя ночь.

Снежинки медленно опускались на его ладони. Они были большие и шли довольно часто. Снегопад кружил над предновогодним городом уже более суток. Снега было много, целые сугробы. Машины вдоль проспекта стояли в километровой пробке, новогодние автобусы с гирляндами то и дело бибикали, все куда-то и куда-то торопились. Люди шмыгали по занесенным снегом тротуаром, создавая очереди. По самому проспекту висели гирлянды, они мигали, светились всеми красками света, особенно ярким жёлтым, так напоминающим лучики солнца, которого горожане давно уже не виде-

ли. В воздухе кружили запахи выхлопных газов и какой-то сырости.

Он шёл, его пригласили на новогодний корпоратив в ресторан в центре города. Он не любил подобные многолюдные мероприятия, но и не мог отказать своим коллегам историкам. Его звали Димитрий Хабаров, он историк, окончил истфак местного вуза, теперь работает в одном городском архиве. Вот он идёт, думает о предстоящем вечере, о наступлении Нового года, который придёт уже этой ночью.

Он зашёл в ресторан. Это был хороший ресторан итальянской кухни. Нельзя сказать, что Димитрий не любил итальянской кухни, напротив, очень даже любил. Он оставил свои вещи в гардеробе и направился в зал на второй этаж. Его уже ждали.

-А, Димитрий! Пожаловал наконец! – затяжно протянул его толстобрюхий усатый коллега.

Димитрий поздоровался со всеми ими и скромно сел за стол. Рядом с ним сидел его коллега Михаил со своей женой Инессой – она всегда носила яркие платья, торжественный туалет, её тонкую белую шею обрамляли белоснежные и явно дорогие бусы.

-Димитрий, ну-ка, дружище, расскажи нам, каков для тебя выдался этот год? И что ты ждёшь от последующего! – торжественно просил один из коллег.

-Ну, как так сразу сказать... Год был неплохой, во многом удачный. Я многое успел сделать... По архиву.

Весь стол захохотал от такой речи.

-Димитрий, дружище, для тебя жизнь есть один сплошной городской архив? М? – ухмыльчиво спросил толстобрюхий усач.

-Ну как же! А девочки? – хохотавши произнёс пошловатый Валера.

Димитрий долго смотрел в окно, на тот мир, где нет его коллег и этого бессмысленного корпоратива, на тот мир, где идёт снег, кружит своими крупными белыми хлопьями над головами прохожих.

Дзинь-дзинь, звяк-звяк.

-Димитрий! Ау! Мы все ещё здесь! Ау! – застучав вилкой по бокалу продолжал коллега.

-Нет. Конечно, нет. Я люблю коллекционировать. Да. Люблю коллекционировать открытки с художниками. С картинами. А также люблю слушать классическую музыку, особенно Грига. Его композиция "О любви" такая восхитительная. Ну и не прочь посмотреть хорошее кино.

-Какое? Советское классическое? Ха-ха, вот хлыст! Ха-ха, вот чудак! – забавлялся Валера.

-Димитрий, а почему вы Димитрий? Почему не Дмитрий? – начала спрашивать Инесса после выпитой бутылки белого вина. Она свободно закурила сигарету прямо в зале, сонно и дурманяще уставилась на Димитрия. Её изящная шея стала ему казаться толстой, белые благородные руки стали казаться лапами, а глаза благородно девушки стали поистине кошачьими.

-Да, старина, почему так? – спросил один из коллег.

-Не знаю, честно. Право сказать, так записали и все.

Ещё больше пару часов продолжалось это подобие корпоратива. Снег продолжал валить, в зале было накурено, пахло табаком и то и дело открывавшимся шампанским с вином. У Димитрия кружилась голова, становилось томно и удушающе. Главный архивариус, пожилой круглый дед с круглыми

завитыми усами, всегда по старинке носивший с собой золотые часы на цепочке и говоря с окончанием "с" – голубчикс. Он медленно что-то прошлепал губами, посмотрел в окно, потом на свои часы, своими уставшими старыми и слегка воспаленными глазами что-то моргнул, да и сказал: "Мне, пожалуй, пора, голубчики".

-Вальдемар Иннокентиевич, а как же куранты? – начал вопить зал.

-Нетс, честь имею, старому волку пора на боковую! Честь имеюс, честь имеюс!

Тут раздался голос не менее старого, настоящего старожилы архива, человека, проработавшего в нем больше полвека, Егора Зыбова.

-Сейчас я вам расскажу одну интересную легенду, о которой я узнал, когда был ещё совсем юным, когда только пришёл работать в наш дружный архив. Садитесь все поближе.

И все мигом собрались вокруг старого архивариуса. Даже Вальдемар Иннокентиевич, который все бы отдал, чтобы услышать какую-нибудь легенду, тут же вернулся и сел рядом со всеми.

-Так начнём же повесть сию...

Легенда о белом короле.

Были в свое время некие татарские сказители, которые странствовали по миру и сказывали пророчества. Некоторые люди считали их мудрецами и часто, если увидят их, то обращались к ним за советом. Они видели будущее, были пророками. Но большинство людей и народов их не любили. В разные времена их называли лжепророками, сектантами, антихристами и прочими нехорошими словами.

И было у них одно главное пророчество, которые выделялось из всех других, и это пророчество об Ак Патше – с татарского "Белом короле", то есть, короле бело неба, белого неба. Татарские сказители считали, что в один декабрьский день всемогущее небо пошлёт на землю своего наместника, владыку. Он воплатится в образе человека, и будет жить среди людей и ничем от них, с виду, не отличаться. Но он есть владыка, посланник судьбы, творец её воли на Земле. И суждено будет Ак Патше изгубить все человечество на земли, во море, на всех материках, островах, в воздухе, под водой, и где бы ни находился человек, он всюду будет уничтожен. Такова цель Ак Патши на земле. Сам Ак Патша обладает ве-

ликим умом и мудростью, которой наделила его сама судьба. Он неуязвим, не победим и не убиваем. Однажды он выйдет к народу земли и скажет народу: "Прими смерть от рук моих, и тебе будет даровано не иметь боли, болезней, тяжестей и всех других недугов, которые вы испытываете на земле грешной". И наведёт он мор на людей земли – голод. Он скажет: "Да отниму я у вас пищу. И будете вы голодать, пока не умрут ваши члены". И придёт голод на землю. И дальше скажет Ак Патша: "Да нашлю я на вас чуму редкую. Таковую, что никаких ваших знаний не хватит ей противостоять. Улицы, деревни, города полны будут трупов ваших, да ваших костей". И придут в города и деревни болезни, и начнут болеть, да помирать люди. И снова скажет Ак Патша: "Да посею я рознь между вами, да начнётся междоусобица. Война приведёт их к гибели". И начнёт один народ против другого восставать, начнётся война всего Мира, да погибнет много людей, полягут телами мертвыми по земле обезлюденной. Но и потом Ак Патша скажет: "Да насылаю я смерть на вас! Примите смерть от рук моих, ибо вы не в силах противостоять неизбежному!". Так и погибнет человечество. На сей придёт конец света.

Всё ещё минуту сидели вокруг старого архивариуса, который уже начал кивать головой и по-тихоньку засыпать.

-Хороша история для Нового года! Ну дед даёт! – начал

выпивший Валера.

-А Ак Патша он человек? Или кто? – интересовался один молоденький новичок, недавно выпустившийся с истфака – он же носил личину человека, но сам им не был?

-Ак Патша что-то, в роде, Иисуса. Богочеловек – шлепая губами отвечал архивариус – хотя и Богочеловеком, в чистом виде, его нельзя назвать. По крайней мере, в привычном нам понимании. По сути, это образ чистого зла, апокалипсиса, который пробуждает все самое губительное для человека и в самом человеке, в том числе.

Димитрий внимательно слушал эту необычную легенду. Пожалуй, единственное, что он запомнил с этого скучного вечера, так это её.

Золотая Нива.

Димитрий был в отпуске. Он приехал в деревню, чтобы отдохнуть от города, от шума машин, тревожных новостей и, в целом, от простой будничной жизни.

Он шёл по золотому широкому и безграничному полю

ржи. Небо было удивительно голубым, весь небосвод сиял своей синевой, лишь вдали виднелись пушистые, легко гонимые ветром, облака.

Он полгода потратил на изучение татарской легенды об Ак Патши, искал хоть какие-то письменные источники, и нашёл – один на татарском языке в Казани. Он перевёл текст, прочитал легенду, которую записали историки с уст одного из татарских сказителей. И Дмитрий удивился. Архивариус зимой рассказал легенду точь-в-точь, чуть ли не слово в слово. Все было изложено точно также. Дмитрий пытался найти другие источники или сведения об этой легенде и нашёл её упоминания в других летописях татарского и башкирского народа разных времен, в некоторых памятниках Руси, и даже в одной летописи болгарского народа. Эта легенда кочевала вместе с её носителями – татарскими сказителями – на протяжении веков. Она нашла отражение во многих столетиях, в разных памятниках и у разных историографов. "Странно, что мы историки её не изучали. И нам про неё ничего не говорили", – думал Дмитрий. Эта легенда его заинтересовала. Ни что так давно его не интересовало.

Он остановился, лёг во ржи. Золотые колосья нивы колышались на теплом июльском ветру, он покусывал травинку в зубах, закрыл глаза, да все повторял про себя, иногда шёпотом вслух: "Волнуется желтеющая нива...". Он заснул.

Во сне ему виделась Казань. Он стоял на палубе теплохода, видел с неё Казанский Кремль, блестящие на солнце минареты мечети "Кул-Шариф". Но была одна особенность – было безлюдно. В воздухе пахло летом, беззвоботностью, но, одновременно, витал запах смерти. Настоящей смерти, которую мир видал уже много веков и тысячелетий.

-Где все? – тихо спрашивал Димитрий не знамо кого и не знамо зачем.

Он увидел надвигающуюся фигуру, парившую в воздухе, это был белокурый паренёк в странном одеянии.

– Прими смерть от рук моих, сын человеческий. И ты не будешь боле знать боли, страданий, страха и прочих недугов, которыми тяготит вас земля грешная – не открывая рта, ментально сказал паренёк.

Тут он приземлился, беззвучно захохотал и обернулся в некую тёмную сущность, которая окутала Димитрия. Он проснулся. В его животе сверлило, во рту чувствовалась жажда.

-Может, Ак Патша существует – тихо сказал сам себе Димитрий.

Он встал, окинул своим взором золотую ниву, повторил про себя бессмертные строчки Лермонтова "Волнуется желтеющая нива...", и пошёл обратно, по извилистой песчаной дорожке, в деревню, думая об одном – обеде.

Дождь стучит.

Димитрий тяжело болел новым вирусом. Он думал, что умрёт, дышать было нечем. В глазах то и дело темнело. Он то впадал в сон, то ему грезились моменты из детства – бред, галлюцинации, то он впадал в бесрамятство. И так почти целый месяц. Когда он начал идти на поправку, всюю уже царила осень. На улице шёл обильный листопад. Он любил смотреть в окно на этот унылый пейзаж – ежедневное серое небо, стучащий дождь, и постепенно, с каждым днем, все больше и больше, опадающий клен.

Ниуто к нему не приходил. Да и кому приходиться. Димитрий был нелюдимым человеком. Родни не осталось, а своей семьёй к своим почти сорока годам он так и не обзавелся.

В один день к нему пришёл его коллега по архиву – навесить.

-Плохо ты Димитрий выглядишь. Плохо. Ешь больше витаминов. Тебе надо восстанавливаться. Ещё молодой мужик, а выглядишь уже как дед древний.

Димитрий особо его не слушал. Он был уставшим и измученным, а чем именно, сам пока не знал.

Мне снилась дорога к дому.

Толи судьба такая у Димитрия, толи просто стечение обстоятельств, но в его жизни начался настоящий перелом и пришла полоса невезения.

Уже больше года он находился в окопе. Сам того не ожидая, был мобилизован на военную операцию. Все дни он думал только об одном, пожалуй, о том единственном дорогом, что у него было в жизни – родном доме. Он часто ночами лежал и думал, вместо того, чтобы спать, как сейчас выглядит его квартира, как там все обставленно, как его коллекция лежит и пылится на полке в книжном шкафу, как лежат его старые музыкальные диски. Он думал о доме, который был так далеко и, одновременно, недостигаемым, что-то прошлое, былое. Такое далёкое, настолько, что это уже ка-

жется прошлой жизнью.

Димитрий изменился. Он был уже другим человеком. Того скромного историка, коллекционера, ценителя Грига и хороших фильмов уже не было на земле, он ещё сломился во время болезни, в палате больницы, то неможное и уставшее тело напрочь выбило дух. Теперь это был другой человек, совсем другой. Даже взгляд, глаза стали иными, более закаленными, одновременно ожесточенными, но и глубоко потерянными.

Спустя дни, недели, месяца, даже года он не думал уже даже о доме. Для него не было уже такой категории. "Дом. А что это? Что это дом? Я уже не помню, как жил в квартире. Не помню, чем я там занимался, на что убивал время. Я даже не помню ни одного запаха, ни одной детали. Зачем мне дом? Что я там забыл? Кому я там нужен? Мне незачем и некуда возвращаться. Мой дом теперь там, где я есть сейчас".

Он стал более общительным, много болтал с армейцами. Порой, сидит и курит сигару, теперь он курил, начнёт слушать разговоры молодого бойца Деньки Уткина, который не так давно только начал жить, о доме, о своих девушках, с которыми встречался одновременно, об отце, о дедушке-герое Великой Отечественной Войны, да и задумается о том, что ему и нечего вспомнить. "А у меня, наоборот, Денька. Жизнь

прожил, а вспомнить нечего", – скажет Димитрий. "Да ладно вам! Не старик ещё! Наживешь! И в твоём доме будет праздник!", – простодушно скажет Денька.

На войне человек боится только одного – смерти. Но Димитрий дошёл до того, что даже её более не боялся. Он был уже духовно мёртв. В его душе не было ни Бога, ни семьи, ни дома, ни радости, ни любви, ничего того, что так необходимо человеку даже в самые счастливые времена. Иногда, порой, взорвётся рядом дрон, а ему хоть бы что. Многие поражались, но многие и понимали – война меняет людей.

Однажды, за костром, его спросили: "А почему ты Димитрий? Почему не Дмитрий?". Димитрий задумается, вспомнит, что, однажды, слышал уже этот вопрос. "Мне кажется, меня этот вопрос преследует на протяжении всей моей жизни. Почему, на самом деле, Димитрий? Почему не Дмитрий? Откуда мне знать, почему так", – подумал про себя он, закуривая ещё одну сигарету. "Не знаю. Так записали и все", – ответил он.

Зимой стало очень тяжело. То и дело бомбили лагерь, совершались налеты. Димитрий и сам был несколько раз ранен, но всегда быстро выходил из госпиталя, по своему желанию. Он считал себя важным для ребят, не хотел их надолго оставлять. Но в один день налёт был таким, что целым ни

остался никто – минимум раненые, максимум – мёртвые.

Димитрий не помнил детали того дня, налёта. Он то и дело впадал в беспамятство. Иногда он приходил в себя, иногда вновь забывался. Ему снилась дорога, дорога, такая знакомая, но такая длинная. Он шёл по ней, даже бежал, но дорога казалась все длинней и длинней. Как бы он ни старался, он не мог добежать до конца. Это была та самая дорога его детства – дорога домой, та песчаная дорога в деревню.

Он проснулся. "Мне снилась дорога к дому. Та самая. Дорога из детства. Дорога в деревню, она проходила через золотое поле ржи. Даже в детстве она мне не казалась такой далекой. О Господи! Порой дорога к дому кажется такой длинной".

И снова снег кружит в декабре.

Он недолго лежал в госпитале. Толи предчувствие, толи некое безумие, но Димитрий понял, что лечиться нет смысла. Он терпеливо ждал, когда закончится вечерний обход, потом быстро, когда все заснут, откроет окно в палате и высунется туда – на морозную улицу декабря. Почти каждую ночь валил крупный снегопад. Но одна ночь была ясной и

очень морозной. Димитрий быстро и незаметно, ночью, вышел во двор. Он был в одном халате и тапочках, лютый мороз сразу сковал его, но он делал последние усилия и еле-еле, с трудом, передвигал свои худые ноги по снегу, продолжал идти и смотреть на такое красивое, но холодное звёздное декабрьское небо. На небе в эту ночь сияло множество звезд. "Как же я давно не видел звезд. Убийственная красота. Чтобы их видеть, нужно замерзнуть на морозе. А ведь Ак Патша, считается, родился в декабре. И, все же, он существует. Я убедился в этом на собственном опыте".

Утром в госпитале началась паника, все стали искать пропавшего солдата. Ближе к обеду обнаружили его заледенелое тело на одном поле не так далеко от лагеря.

Старик на скамейке

Это история о нечто большем. О том, что человеку невозможно понять.

Жил был один паренёк, все у него складывалось хорошо. Закончил школу с отличием, поступил в МГУ на истфак. Учился тоже хорошо, параллельно играя в молодёжной баскетбольной команде. В общем, все у Ивана было хорошо. Была и девушка, с которой он встречался, которую он встречал и с которой ждал каждую совместную встречу.

Однажды, уже закончив университет с очередным красным дипломом, он устроился не на менее престижную работу – в государственный архив, стал ведущим историком. Он женился, у них в браке появилось двое детей: мальчик и девочка. Жили в Тверском районе Москвы.

Одним хмурым и дождливым вечером, когда за окном безутешно завывал холодный и бешеный воздух, в квартире раздался дверной звонок.

-А, друг мой! Как давно мы не виделись! – радостно и дружелюбно начал встречать Иван незнакомца.

Незнакомец был высоким и худым. Что сразу бросилось в глаза: он был одет во все чёрное, от пальто до костюма.

-Это мой старый приятель! – начал Иван объяснять жене – Давно мы не виделись. Будто бы целую вечность!

Незнакомец тихо сел за стол, он ничего не говорил, даже, казалось, ничего и не ел и не пил. Просто присутствовал, хотя было ощущение, что его и вовсе тут не было. Иван продолжал говорить с женой, у них была оживленная беседа.

-А у вас большой круг общения? – начала разговор с незнакомцем Марья – жена Ивана.

-Какой странный вопрос – начал Иван.

Но незнакомец ей ответил.

-За всю жизнь у меня было только четыре общения. Вернее сказать, сподвижника.

На этом их совместный разговор был окончен.

На следующее утро Марья заметила, что незнакомец исчез, будто его и не было у них в квартире, не осталось даже никаких следов.

-А твой этот друг... – спрашивала Марья Ивана – ему вообще сколько лет?

-Слушай, я даже не знаю – сам удивляясь сказал Иван – не знаю, какая его дата рождения даже.

Вечером очень сильно заболел их сын Кирилл. Слег с температурой и лихорадкой.

-Ну и чума пришла в наш дом! – вопила Марья.

Как ни странно, но в их семье начался разлад. Марья

все чаще и чаще ругалась с Иваном. Билась посуда, крики, вопли, даже доходило до того, что Марья бросалась на Ивана. Это была настоящая семейная война, война между мужчиной и женщиной, мужем и женой, человек и человеком.

В конце концов, они развелись.

Иван остался один с детьми. Марья уехала в родной городок, изредка приезжала и виделась с ними.

Вскоре, у Ивана начались проблемы на работе, его уволили. Начались тяжёлые времена, не хватало денег ни на что. Начался настоящий голод. Иван во всем себе отказывал, но даже это не помогало детям спокойно наесться. Где бы ни работал теперь Иван, все шло не так. Его отовсюду выгоняли, нигде он не мог задержаться.

Зимой, такой холодной, морозной и снежной, поздним лунным вечером, Кирилл и Варя катались с горок на санях. Им было весело, хорошо скользить на скорости по белому снегу. Но кто знал, что в этот зимний лунный вечер поедет за рулём пьяный шофер Петька Егорыч. Каток, другой, и дети вмиг попали под колеса его газели.

Иван остался один. Больше его ничто не ждало, не связывало с этим миром. Он, некогда успешный Иван, теперь си-

дел во дворе на старой скамейке, потирал свою старую седую бороду, иногда смотрел на одинокий хмурый подъезд, да все вспоминал былые годы, некогда жизнь, а не существование.

Судьба Анатолия Проскурина

Анатолий жил один со своим маленьким сыном, который вот-вот пойдет в первый класс. Он был вдовцом, кто у него и был из родных – это его сын Кирилл. С родным отцом он не общался, они всегда были далеки. Мать погибла, когда Анатолий был еще ребенком. С родным дедом он тоже перестал общаться, так как тот осуждал его, не понимал, навязывал свою волю, давил, пытался в загнать свои житейские рамки.

Анатолий тяжело пережил гибель своей жены. Он мог пить каждый вечер, целые ночи. Ему помогали его верные друзья: друг Степан и подруга Юлия. Они часто забирали Кирилла из садика, кормили его ужином, укладывали спать. Анатолий же любил сына, очень любил, он не хотел, чтобы сын видел его с рюмкой в руках, поэтому и заливал свое горе в одиночестве, в пустой ночной кухне.

Он уехал вместе с сыном из родного города. Он не мог видеть эти районы, дома, дворы. Те места, где он когда-то был счастлив. Он уехал от своего деда, далекого отца, уехал вместе с сыном в далекий уголок, туда, где их никто не знает и где они совсем чужие.

Анатолий устроился на работу. Он был программистом, работал мастером по оборудованию. Кирилл пошел в первый класс. Квартира, которую они снимали, тоже была приличной и уютной. Казалось, жизнь стала налаживаться, но не любил Анатолия один его коллега, люто невзлюбил. Писал на него доносы, мол, пьяный приходит часто. Анатолий, и вправду, мог придти немного выпившим, но это было крайне редко и он не был сильно пьяным. Также, другая сотрудниц тоже писала доносы, но не руководству, а в органы опеки. Они стали приходить к ним домой, проверять условия. Естественно, находили бутылки водки или коньяка. Как ни оправдывался Анатолий, но ему не верили и даже не хотели его слушать. На работе сначала лишили всех премий, затем и вовсе уволили. Органы опеки ничего не сделали, так как не было каких-либо оснований изъятия ребенка. Но, Анатолий, все же, решил покинуть этот недружелюбный и даже во многом враждебный город.

Они поселились в небольшом поселке, Анатолий также устроился работать программистом, но уже в совсем маленькую местную складскую конторку. Поселились они в небольшом поселковом доме, в маленькой квартирке. Кирилла не любили в местной школе, другие дети издевались над ним, били, клеймили сиротой и сыном алкоголика. Анатолий старался не пить, пил только по ночвам, да и то редко, когда спал Кирилл. Но на работу приходил совсем разбитый. Дру-

гой программист, живший в этом поселке, его сразу невзлюбил, так как Анатолий занял рабочее место, единственное в этом поселке место программиста. Он тщательно следил за Анатолием, фотографировал, что тот периодически покупает бутылки алкоголя, при этом у сына на глазах. Кирилл часто просил отца: «Папочка, не пей больше, пожалуйста». «О чем ты, сынок?», – стыдливо спрашивал Анатолий. «Я знаю, что ты по ночам выпиваешь. Пожалуйста, не становись пьяницей», – умоляющее и жалостливо просил Кирилл. «Обещаю, сынок, я не стану пьяницей. Никогда».

Но, Анатолия, все же, уволили. В поселке на него с сыном косо смотрели, один раз продавщица даже отказала им в покупке конфет. Анатолий принял решение покинуть этот недружелюбный и даже враждебный поселок.

Они временно переехали в одну тихую и уютную деревеньку, располагавшуюся в живописном месте – на берегу реки, вокруг которого простирались широкие поля, а за ними на склонах холмов возвеличивались могучие леса. Анатолий долго искал работу. Он уже не работал программистом, по сути, просто ходил и чинил людям различную технику, а то и просто какой-нибудь инвентарь, причем, за копейки. Денег не хватало, Кирилл ходил в сельскую школу, где все его дразнили нищепородом и чужаком. Тяжело было жить, тяжело и страшно.

Один раз зашла к ним в дом соседка – юная девушка. В зале за столом сидел Анатолий, он обедал. Неспешно хлебал суп, рядом стояла тарелка с хлебом и бутылка с рюмкой. Он был ухожен, всегда выбрит, чист, волосы зачесывал назад. Не производил впечатления алкоголика. Но в его глазах всегда читалось страдание, некая отчужденность от мира реального, что-то пустое, холодное и одновременно страдальческое, мученическое. Девушка долго смотрела на него, как он неспешно хлебает суп, равнодушно смотрит на налившуюся недавно рюмку. За его силуэтом виднелось небольшое окно с видом на пару берез, которые также неспешно, тихо и медленно покачивались на ветру, изредка шелестя своими зелеными кронами. Девушка подошла к нему, спросила, как дела, нужна ли помощь. Он покачал головой, мол, не нужно. На вопрос, где Кирилл, он сухо ответил: «Гуляет». Тут девушка заметила, что возле его рук лежит газетная бумага, а ней написано: «Жизнь бессмысленна». «Отчего бессмысленна?», – спросила девушка. Анатолий повернулся, страдальчески посмотрел на нее, из его глаз потекли горячие человеческие слезы. Он лег на кровать, соседка бережно его укутала. Он продолжал тихо плакать. «Тяжело нам, Люба! Как вырванные колосья ржаного поля одиноко болтаемся на ветру, никак не найдя пристанища – родного дома». «Жизнь имеет смысл», – кротко ответила соседка, погладив по плечу Анатолия. И ушла.

Через месяц, а, может, и больше, нашли убитого мужика на берегу реки – местного пьяницу с проломленной головой. Все местные доложили участковому, что видели, как Анатолий вышел пьяным из дому и пошел в сторону берега ночью. Так и закрыли дело. Анатолия посадили, отправили куда-то далеко, никто даже и не знает, куда именно. А Кирилла отправили в детский дом.

Однажды, проходила одна девочка, она была вся в слезах, она шла мимо одного детского дома. Один мальчик за забором ей крикнул: «Не плачь! Жизнь имеет смысл».

Пока заря спит...

Он ехал словно в бреду. Была черная ночь. В окне то и дело мелькали унылые темные пейзажи: деревни, одинокие тихие поля, слабо освещенные пустые и безлюдные станции, густые черные и холодные леса. Поезд ехал. Вагон тихо качало. Было темно, горел слегка приглушенный тусклый свет. Он ехал, смотрел в это холодное темное окно, иногда видел в нем собственное отражение. Изредка доносился звук храпа. Было тихо. Иногда слышался стук колес поезда, но он его не замечал. В его голове кружились мысли, он жмурился, умолял свое сознание заткнуться, замолчать. Вот он видит картинку: молодой счастливый отец, похожий на актера, гуляет с сыном. Потом отводит его в новую школу, разговаривает с новой учительницей. При этом сынишка – миловидный

мальчик – преданно смотрит на папу, а тот на него. «Завтра наш класс едет в парк зимних развлечений. Вы поедете?», – спрашивает учительница отца мальчика. «Да, жена говорила, что нужно сдать 500 рублей. Сейчас», – ответил отец. Он достал из портмоне купюру, отдал учительнице. Затем посмотрел на сына, мальчик тут же подбежал к нему. В классе были дети, много детей, все они были чужими, другим миром. Мальчик обнял папу, они были родными. «Тем, давай, учишься хорошо. Мама заберет тебя после уроков. А вечером кино посмотрим», – улыбчиво и мягко сказал отец, погладив сына.

Ему хотелось, чтобы это было наяву. Чтобы они существовали, эти воображаемые отец и сын. Он хотел туда ворваться, в тот мир. Он хотел убить. Убить их. Взять мальчика, увидеть страдание и боль в глазах молодого отца. И убить сына на его глазах. Затем и отца.

Я болен. Отчего так. Надо поспать.

Он ворочился, но не мог заснуть. Ему виделась картинка: счастливая семья – молодой отец и мать и их сын. Жена – миловидная девушка – была беременна, у них должна была родиться еще и дочка. Они гуляли мирно по парку, наслаждались ароматом весенних пряных цветов. Дома их ждали друзья. Они сидели за накрытым столом, веселились, что-то

обсуждали. Сам отец семейства был прокурором, вспоминал различных преступников, которых способствовал засадить. Сам был очень добрый, не терпел зла и насилия.

Ему хотелось, чтобы это было явью. Чтобы прийти в эту «идиллию» и разрушить ее. Взять этого мальчонка, увидеть боль и страдание в глазах родителей. Ему очень этого хотелось. Он слегка заерзал в кресле.

Тик ктут, тик ктут, тит ктут, тик ктут.

Поезд ехал. Вагон мчался. Скорость была большая на этом участке. Окно было черным. Он видел свое отражение. Доносился легкий храп. Кто-то звякнул ложкой в подстаканнике.

Тук-тук-тук-тук, тук-тук-тук-тук.

Поезд ехал. Вагон мчался. Окно было черно. То и дело мелькали холодные дикие поля, черные леса, одинокие безлюдные станции.

Утром он вышел, была его станция. Солнце нагрело пыльную платформу. Была толпа. А на душе стало спокойно.

Муравей в туманности

Стоял поздний вечер. В небе было сумрачно, на улице сто-

ял лёгкий туман. То и дело пахло влагой, сырость, дорожной пылью и чем-то людским – тем, что человек называет тревожностью, беспокойством, душевной мукой и расстройством.

На рейсовом автобусе возвращался Артемий Звонарев. Он сидел в конце автобуса, думал о своём – о прошедшем концерте, который посетил этим вечером, о последующем дне.

В автобусе ехало мало людей, было поздно: один старик, девушка с большой черной сумкой и в чёрных очках, да паренёк.

Мальчик был школьного возраста. Класс 7, примерно. Всю дорогу он сидел и что-то читал в своём телефоне. Артемий Звонарев смотрел на паренька, следил за его движением.

"Чего я на него смотрю? Выходить никак собрался?".

Тут паренёк действительно встал и направился к выходу. Это была предпоследняя остановка, после неё должен был выйти и сам Артемий Звонарев. Но он решил иначе, и вышел вслед за этим пареньком.

На улице стоял густой туман. В вечном сумраке таяли вы-

сотки, которые еле-еле выделялись в молочно-серой дымке своими холодными ночными огнями. Уныло и бездушно двигались по широкому проспекту тяжёлые машины, отдавая мертвенно-бледный свет.

"Пойду за ним. Интересно за ним проследить".

Артемий Звонарев, в своём черном пальто, следовал за пареньком, который направился по узкой улочке на нижний район.

Не было никого. Стояла идеальная тишина. Артемий достал маленький ножичек, он звучно лязгнул в этой мертвенной тиши. Ещё мгновение, он хватанул сзади паренька. Свистнул клинок, потом ещё раз. Паренёк сладко, по-младенчески, чмокнул, и рухнул на холодной дороге.

Всю ночь он сидел в своей небольшой тусклой комнате. Сидел и думал о том пареньке, о том, как он легко исчез.

"Вот и нет его. Будто и не было. Чего вот он оставил после себя? Никто о нем никогда и знать не будет. Обыкновенный муравей. Есть муравей, а есть разум. Какая ему разница: есть он или нет? Муравей чем живёт – обычным трудом.

Взял, придавил его – а он и не понял даже. Всегда найдутся другие муравьи, готовые выполнять одну и ту же трудовую функцию, не более. Они, как неживые. Роботы".

Лицо Артемия стало тёмным, в комнате стало резко черно, хотя тусклый свет от старой лампы продолжал стоять в комнате.

Тут в углу показался дьявол. Он долго смотрел на Артемия, его глаза были по-бесовски прекрасны, но одновременно и ужасны, страшны, холодны.

Артемий заметил дьявола, он испугался. Холодный пот и удушающий страх прополз по всему его нутру. Он долго сидел в этом полумраке, смотрел на дьявола. В один момент Артемий отвёл от него глаза, уставился в унылое и серое зеркало, где также увидел дьявола.

Толи во сне, толи наяву Артемий Звонарев летел над мрачным холодным и мертвенно-спящим городом, покрытым мрачной пеленой не менее ужасного и холодного тумана.

Над этим миром простиралось высокое чёрное звёздное небо. Артемий увидел луну, понесся к ней. Он чувствовал небывалую лёгкость, гармонию, которую так долго не мог

найти.

Ему ещё долго грезилась луна, те яркие звезды. Позже яркий мюзикл сменился тем же городским туманным пейзажем. Артемий открыл глаза. Было туманное утро. На остановке уже толпились люди, машины то и дело сигналили друг другу.

Артемий одел свое чёрное пальто, и, подобно муравью, направился на свою не любимую работу.

Дни и ночи Павла Петровича

Ночь была черна. За окном безутешно выл холодный зимний ветер. Стекла дрожали, веяло прохладой. За маленьким письменным столом с тусклой настольной лампой сидел человек невысокого роста с слегка седыми волосами и скромными очками на глазах. Его звали Павел Петрович. Несмотря на свое положение в обществе, докторскую степень и стаж преподавания на историческом факультете, он жил довольно скромно. Квартира была в центре города, три комнаты, большой зал и две средние, была своя огромная длинная столовая. Павел Петрович всю жизнь отдал истории, он хорошо знал Историю России. Жизнь изначально складывалась у него странно. Был нелюбимым ребенком в семье, мать Павла Петровича всегда стыдила, стеснялась его. Даже, когда Павел Петрович получил докторскую степень в исторических науках, он все равно для нее оставался прежним чудаком.

Павел Петрович женился поздно. У него был сын Александр. С женой он прожил совсем немного лет, быстро развелся, ушел в науку, изредка виделся с сыном. Александр был полной противоположностью отцу. С детства любил хулиганить, занимался спортом, особенно любил футбол. Павел Петрович никогда не любил спорт, всегда был тихим и кротким человеком. С сыном у него отношения никак не складывались, они просто не понимали друг друга.

Вот, даже в эту холодную темную ночь, Павел Петрович сидел тихо в своей комнате, проверял рефераты своих студентов. Он посмотрел на часы – три ночи. Затем посмотрел в темный угол старомодной комнаты, там стоял большой застекленный книжный шкаф. Запыленные тома так и просились «Возьми меня!». Когда-то все эти книги Павел Петрович прочитал. У него не было желания когда-нибудь что-то перечитать, поэтому, эти старые советские томики были не иначе чем, как просто предметы интерьера, или даже части профессорской квартиры. Позже он глянул на небольшой журнальный столик. «Откуда он здесь?», – думал Павел Петрович. «Он же обычно всегда в зале. Не переносу я его обычно». Тут он увидел на нем толстую книгу. «Не видно, слишком темно», – говорил сам себе Павел Петрович. Он встал, подошел к журнальному столику, взял книгу. «Жизнь Павла первого». Павел Петрович отшатнулся. «Не помню этой книги в своей библиотеки. Как странно. Я ее точно не

читал. Кто ее мог тут оставить».

Павел Петрович положил книгу обратно на журнальный столик, посмотрел в окно, на улице вовсю бушевала зимняя пурга. «Скоро Рождество Христово. Как погода испортилась», – сказал Павел Петрович, постоял еще пять минут, и лег спать.

Вот-вот придет Рождество Христово. Нужно успеть принять экзамен у первого курса. Павел Петрович спешил, как только мог. Он обычно никогда не опаздывал, да и терпеть не мог опозданий. Взобравшись моментально по крутой лестнице на свой излюбленный и родной второй этаж, он увидел толпу студентов, которые готовы были сдать экзамен.

Все шло хорошо. Студенты, на удивление, были хорошо подготовлены, сплошные пятерки и четверки шли. Тут сел отвечать безответственный, по мнению Павла Петровича, студент Петр Алексеевич. «Каков ваш билет, Петр Алексеевич?», – спросил Павел Петрович. «Политика Павла первого» – нагло сказал студент. Павел Петрович замялся, «Где-то я слышал подобное. Вспомнил! Журнальный стол!», – думал Павел Петрович.

-Ну. Что вы скажите про политику Павла первого? – спрашивал Павел Петрович.

Студент долго говорил невнятные вещи, тянул время, говорил, отчасти, не по билету.

-Ну. Его не воспринимал двор, он был что-то типа шута. Его сын – он убил отца – говорил студент.

– О Боже. Самый, наверное, худший ответ в моей жизни – взявшись за голову говорил Павел Петрович.

-Ну а в чем я не прав?

-Как хоть звали заговорщика? Это хоть знаете?

-Хм, конечно. Его звали Петр Алексеевич, иначе, граф Палин – ухмыльчиво сказал студент.

Павел Петрович весь покраснел, ему резко стало жутко, отчего он даже сам не знал.

-А ведь действительно. Я раньше не замечал. Ну, хоть фамилии у вас разные – заметил Павел Петрович – Ох, что мне с вами делать, Петр Алексеевич... Замучаете ведь потом на пересдачах. Три поставлю, идите с Богом!

В магазине была очередь. Все закупались на Рождество, покупали свежие торты, пирожные, пироги. Павел Петрович долго выбирал возле витрины, потом взял два песочных пирожных и два эклера в шоколаде. Идя по морозной улице, скрипящему снегу, подходя к подъезду он услышал: «И тебя убьют!». Павел Петрович резко обернулся. «Кто здесь?». На улице не было никого.

Поздно вечером позвонил сын, выпрашивал у отца денег.

-Нет, Александр, еще раз нет! Денег я тебе больше не дам!
– настойчиво говорил отец.

-У меня проблемы, отец! Мне срочно нужны деньги! – вопил Александр.

Разговор ни к чему не привел, Павел Петрович положил трубку и выключил телефон.

«Господи. Пресвятая Богородица, ну наставь ты его на путь истинный, прошу. Когда же он уже повзрослеет, перестанет заниматься ребячеством, устроится на работу. Скользкую дорогу выбрал мой Саша, скользкую. Уже какой

раз проигрывает в казино и на этих ставках. К добру это не приведет, ой, чувствую, не приведет. Пожалуйста, наставь его на праведный путь. Пусть возьмется за голову! Прошу».

Вот и настал последний день перед Рождественской ночью. Было что-то спокойное, умиротворенное, нейтральное в этот серый день. Шел легкий снегопад. Павел Петрович долго не мог заставить себя встать. После завтрака пошел прогуляться в местный парк. С гор каталась ребетня, слышались радостные крики.

Весь день и весь вечер Павел Петрович был нетипично задумчив. Он сидел в кресле, думал о Павле первом, его желании преобразовать страну, о его отношениях с сыном.

«Вот-вот настанет одиннадцать часов. Неужели, Рождество. Так долго его ждал. Зачем? Никогда не отмечал его ранее. А сейчас прям тянет к нему, к этому светлому...».

Не успел Павел Петрович закончить свою мысль, как двери его квартиры тут же открылись.

-Что? Кто здесь?! – испуганно завопил Павел Петрович.

В комнату ворвался сын Александр с незнакомым Павлу Петровичу молодым человеком в капюшоне.

-Александр! Зачем ты так резко? Напугал.

-Отец, ты знаешь, зачем я пришел! Мне терять нечего, мне просто жизненно необходимы деньги! Где деньги! Наличка! – вопил Александр.

-Нет денег, сынок! Право, нет. Богом клянусь! – просветленно говорил Павел Петрович.

-Врешь, старик! Найду! – вопил Александр.

-Может, и отца родного убьешь? А, сын? Деньги дороже меня ведь – спрашивал Павел Петрович.

-Заткнись! Не раздражай меня! Эй, ты. Ищи давай! – обратился Александр к напарнику.

Полчаса они рылись во всех шкафах, ящиках, тумбочках, вещах – нигде не могли найти ни денег, ни карт.

-Говорю же, нет денег. Побойся Бога, такой праздник сегодня – говорил Павел Петрович.

-Нет уж! Ты достал меня, старик! Не дал денег – оплатишь по-другому!

Тут одержимый Александр, с дьяволски черными глазами, схватил мраморную статуэтку и замахнулся ей на отца. Павел Петрович вмиг рухнул.

-Отец... – тихо пролепетал Александр.

Тишина царила во всей комнате.

Началась рождественская служба в церкви. Запел духовных хор. Мирские люди начали пускать фейерверки, некогда черное небо стало озаряться то ярко красным, то бордовым, то и вовсе кровавым оттенком. Толпа ликовала, слышался ребяческий крик, на улице играла музыка, катки были полны молодых людей.

Только двоя молодых людей в черных капюшонах угрюмо сели в машину такси. Лицо самого молодого человека то и дело озарялось кровавой краской. Глаза были дьяволски-ми, одержимыми, но одновременно и пустыми. Его попутчик был тих, лишь в конце спросил: «А где деньги то?». Молодой человек сидел, долго молчал, лишь потом тихо сказал:

«Я не знаю. Их нет. Будто испарились».

Обещай мне обещай

Алексей был талантливым шахматистом. С детства ходил в шахматный клуб, выступал на соревнованиях – занимал призовые места. Сейчас это был уже известный гроссмейстер, который переехал из провинции в саму столицу.

Все у Алексея было хорошо в жизни: любящая семья – жена Люся и любимая дочь Варя. Каждый вечер, после очередных игр – он возвращался домой, обнимал свою Вареньку, целовал жену, и весь оставшийся день проводили вместе. Выходных немного было – Алексей готовился к серьезному чемпионату, поэтому, отдыха особо и не было.

В один редкий выходной Алексей со своей семьей гулял по набережной вдоль Москвы-реки. Было жарко, маленькая Варя захотела мороженого.

-Я сейчас сгоняю! – весело и бодро сказал отец – Ждите меня здесь!

Возвращаясь радостно к своим, Алексей увидел его. И замер. Возле его семьи стоял он – дед Алексея – хладнокровный и жестокий человек, всю жизнь служивший в спецслужбе. Некогда Алексей было его любимым внуком – у него был сводный брат и сестра – но именно Алексея всегда выделял

дедушка. Позже, Алексей стал все реже и реже общаться с родным дедом – понимал, что это за человек – а потом и вообще уехал в столицу, там зажил своей жизнью, завел семью. И спустя столько лет он вновь появился в его жизни – стоял около его дорогих и любимых людей, вот-вот заберет их – заберет смысл его жизни. У Алексея пробежал холод, глаза невольно заслезились.

-О, кто к нам идет! Алеша! Внучок! – лукаво говорил дедушка.

-Привет! – напряженно сказал Алексей и взял дочку за руку – Как ты здесь? По делам?

-Да вот, тебя приехал проведать. Давно не виделись. Пустите меня к себе в гости? А?

Алексей стоял, как тень. От того жизнерадостного и полного силы мужчины не осталось и следа. Он понимал, что нельзя отказывать деду, нужно с ним быть осторожней, во всем угодить.

-Конечно – помято ответил он – приходи.

-А на ночь могу я остаться?

-Можешь.

-А ты чего какой напряженный? Расслабься!

Дедушка остался в их квартире на ночь. Алексей с семьей жил в хорошем районе – недалеко от Кузнецкого моста. Вечером жена послала его в магазин, дедушка вызвался пойти с ним – прогуляться.

Они шли по вечерней набережной вдоль Москвы-реки. Уже вовсю горели вечерние огни, пахло свежестью и прохладой, а совсем близко величаво возвышался Кремль.

-Отчего ты, Алеша, уехал? Почему не жилось дома? У тебя могло бы все быть!

-Я шахматист, дедушка. Всегда хотел сделать себе карьеру, а у нас в городе, прости, шахматный спорт совсем не развит. Тут я участвую в всероссийских и даже международных играх – вяло говорил Алексей.

Они остановились, Алексей смотрел на темную Москву-реку, которая отражала в себе вечерние огни, он тихо плакал, плакал от бессилия, от того, что этот негодяй, резко появившейся в его жизни, ломает ему жизнь.

-Видел, дедушка, какая у тебя прекрасная славная внучка? Она тебя очень любит. Обещай мне, если моей семье понадобится какая-та помощь – то ты всегда поможешь – сказал Алексей, повернувшись к деду.

-Конечно! – улыбаясь сказал дед – В чем вопрос.

-Обещай! – настаивал Алексей.

-Обещаю тебе.

Перед сном Алексей с дедом играл в шахматы. Несколько раз он сделал ему детский мат.

-Ах ты! Не мог дедушке своему уступить! – смеявшись говорил дед – Давно я не играл в шахматы! Последний раз со своим отцом в далеком детстве. Он тоже Алексей, кстати.

Ночью жена спросила Алексея, зачем к ним пришел его дедушка.

-Не знаю – тихо плача сказал Алексей.

На следующий день дедушка уехал. Алексей продолжил готовиться к главному чемпионату в своей жизни.

То и дело Алексея приглашали на различные интервью, он ходил. Несколько раз ему задали вопрос о его дедушке – видимо, их встречу видели – спрашивали про его отношения к политике. Алексею было плохо в эти моменты, он мялся. Понимал, что от любого сказанного им слова зависит жизнь его любимой семьи.

Перед игрой ему приснился сон. Будто Алексей бежит по шахматной доске, зовет своих любимых – жену и дочь. Но тут на его пути возникает его дедушка.

-Зачем они тебе, Алеша? Вспомни, как мы раньше жили! У тебя все бы могло быть, зачем ты ухал? – спрашивал он.

-Я тебе уже говорил! Где моя семья? Ты же обещал мне их не трогать! – плача говорил Алексей.

-Ой, Алеша. Чего же вы такие мягкотелые.

-Я просто хочу защитить свою семью, которую так нагло и бессовестно ты отнимаешь у меня!

-Я отнимаю? С чего ты взял? Вон же они!

Тут Алексей обернулся, сзади к нему бежала жена и дочка. Он побежал к ним навстречу, обнял свою дочь, он сильно

плакал.

-Леш, нам нечего бояться? – спросила жена.

Алексей обернулся – его дедушки больше не было видно на шахматной доске.

-Нет – плача говорил он – Больше нет.

В день чемпионата Алексей настраивал себя на игру, как вдруг ему сообщили, что с ним хотят связаться. Алексей подошел к телефону и услышал тот голос, которого больше всего не желал услышать.

-Хочу пожелать тебе удачной игры, Алеша! – сказал голос дедушки.

-Спасибо! – нервно сказал Алексей.

-А я сейчас в Москве! – лукаво сказал дед.

-М! А чего ты там делаешь?

-Да вот, по делам!

Тут Алексея начали торопить – игра начиналась.

-Мне пора! Спасибо, что позвонил! – нервно произнес Алексей.

Всю игру он думал о пешках, королях и коней, параллельно в голове мешались мысли об его родных. Он не находил себе места. Голова кружилась, было очень душно. Ход, другой, потом третий, а потом еще – партия была доиграна. Алексей выиграл чемпионат, к которому столько готовился.

После игры на банкете он пытался дозвониться до жены.

-Люся! Вы где? – взволнованно спросил он.

-Дома, недавно пришли с гулянки – ответила жена.

-Никуда больше сегодня не ходите! Я сегодня поздно вечером вернусь! Ждите меня!

Тут к нему подошел один из организаторов.

-Да вы же внук моего старого знакомого – улыбаясь начал он – очень рад лично с вами познакомиться!

-Взаимно – сухо ответил Алексей.

-Ваш дедушка – великий человек! Очень интересный, культурный, образованный! Держитесь его!

Поздно вечером Алексей вернулся домой. Он был не в себе, даже не заметил перелета, такси. Он вбежал в квартиру, тут же подхватил бежавшую к себе дочь, обнял ее так крепко, как никогда еще не обнимал. По его красному измученному лицу струились слезы. Он целовал дочь, потом жену Люсю.

-Вы ж мои дорогие! Самые ценные! Самые главные для меня в этой жизни! – плача говорил он.

Дочка улыбалась, смеялась, а отец гладил ее, целовал, прижимал к себе, и продолжал плакать, плакать, но плакать от счастья.

Король льда

Он долго стоял перед зеркалом. Лицо блистало молодостью, свежестью. Вовсю пахло невинной юностью. Он долго выбирал, какой платок повязать на шею. «Этот? Хм. Нет, одену лучше синий. Да! Синий! Синий мне к лицу!», – восторженно возликовал молодой человек.

Он жил щеголем, стилигой. Любил красиво одеться, себя показать, сходить в ресторан, в кино. Жил беззаботно и для себя. С годами он вырослел. Уже прошла та школьная пора...

Студенчество тоже вот-вот пройдет. Да и он стал уже слегка другим. Отражение в зеркале не радовало его более, он перестал видеть то совершенство, каким себя считал еще пару лет назад. Вот, морщинка, вот, глаз косит. «Старею. Старый стал», – отвечал он сам себе.

На улице шла зима – любимое время года для него. «Зима... Я родился зимой. Зима мое время года! Мое! Обожаю снег и холод. Я есть зимний человек. Я есть король льда!», – ликовал он.

В последнее время очень многое изменилось в его жизни. С старым кругом общения он полностью прервал всякую связь. Общался мало, да и то, по большей части, в онлайн переписке. Общался с коллегами по временной работе. Стал странно себя вести, покупал вещи из прошлого, хотя о прошлом особо тоже не думал. Не знал, чего и хотел. Да и щеголем перестал быть. Вся одежда померкла в его глазах, он более не видел в ней былой красоты. Одевался значительно проще, за внешностью и вовсе перестал следить.

«Куда он делся тот былой? Помер чтоль? А вот куда он делся? Странно. Нет его», – задавал себе он вопрос.

Ночами он не мог спать. Приступы случались все чаще. То вскачет посреди комнаты и заходит с одержимой улыбкой по

комнате. То и вовсе захохочет. То начнет смотреть на свое отражение в зеркале, говорить с ним, пытаться что-то там найти.

На учебу он тоже не мог уже ходить, учить тоже ничего не мог. В голове то и дело кружились мысли, мысли, мысли и они мешались со всем, он уже не понимал, терял всякую усидчивость. Ему хотелось только думать, думать, думать. Мыслить, мыслить, мыслить.

«Бесят они меня! Бесят! Пойду и вдарю кому-нибудь топором! Хахаха. Чего они тут ходят? Нечего, нечего тут ходить! Успокойся! Нет, не могу. Нравится! Хаха. Помер чтоль тот былой? Куда подевался интеллигентный щеголь? М? Те-бы спрашиваю осунувшийся и постаревший юноша! Хахахаха».

Он долго смотрел в окно, на улице плавно спускался белый снег. Рядом спал угрюмый пациент, в палату вошел врач.

-Мы вас выпишем. Готовьтесь, скоро отправитесь домой – сказал он.

Его выписали. Он вернулся домой. А дома все те же мысли, мысли, мысли. Он думал целыми днями, иногда что-то писал. Вот, ему пришла в голову сцена насилия, ему это

очень нравилось. Вот, ему приснилась интимная сцена, как он с мужиком говорит о сексе.

Он долго смотрел в зеркало. Лицо было осунувшимся и бледным. Мысли кружили в голове, кружили. Он привел себя в порядок, надел свой парадный костюм, причесался, одел меха.

На улице валил крупный снег. Было холодно. Он шел парком, потом по знакомому из детства району. Вот, он прошел эти старые дома, дом, в котором провел свои первые годы. Ему все думалось, думалось, думалось. Попадались иногда люди. «Надоели как! Везде! Как хочется походить одному!».

Где-то слышался гудок, стук колес. Он был одержим и пуст. А в голове было только одно: «Люблю я снег и холод! Я и есть король льда!». И, посмеявшись, шагнул.

Поезд проехал быстро. Гудок стремительно прогудел. На улице вновь воцарилась тишина. Лишь крупный снег валил постоянно из черного холодного неба.

Жизнь человека

День был восхитительным! Сережа мчался по светлой летней улице к своей возлюбленной Марине. Они встречались уже год. Дело шло к свадьбе. Сережа решил сделать подарок – свозить Марину в Лондон, она так мечтает туда по-

пасть. Нет слов, чтобы выразить то теплое нежное чувство, которое он питал к Марине. Для него не было ничего, ни этих просторных русских полей, ни вечнозеленых хвойных лесов, ни прекрасного далекого голубого неба... С той минуты, как он познакомился с Мариной, для него все перестало существовать, существовало всего лишь она. С ней и мир ему казался прекрасным, цветы имели свой запах, шоколад приятно и вкусно таял во рту. Марина несколько любила Сережу, сколько ценила в нем статус, его положение в обществе. Он представитель золотой молодежи, сам является профессиональным и талантливым юристом. В общем, парень с надеждами на обеспеченное будущее. Бывали моменты, когда Марина была холодна к Сереже. Он обижался, но не устраивал ей скандалов. Предпочитал закрыться в себе, промолчать. А потом просто делал вид, что забыл, считал, не стоит обращать внимания на житейские мелочи.

Вот, они приехали в Лондон. В город грез для многих. Целыми днями они гуляли, покатались по Темзе. В одно утро Марина пошла одна за продуктами, по дороге случайно познакомилась с чистым англичанином, зашла с ним в кафе, посидела, призналась, что не замужем и свободна. Сережа об этом не знал, пока в один день этот англичанин не окликнул Марину, он начал признаваться ей в любви, спрашивал, почему она ему не звонит. Это был гром для Сережи! Его возлюбленная познакомилась с англичанином, говори-

ла ему, что свободна и ищет любимого человека?? Марина долго просила прощения, Сережа не хотел ее слушать, часто уходил в паб, или просто лежал в номере гостиницы.

Вернувшись в Россию, он должен был ее познакомить со своей матерью.

-Когда мы пойдем знакомиться с твоей мамой? – спрашивала Марина.

-Честно, я не думаю, что до этого уже дойдет – обиженно говорил Сережа.

-Сережа, ну прости меня! Прости! Я так пошутила с ним тогда, правда! – умоляла Марина.

Сережа привел Марину в гости к своей маме. Любовь Михайловна была крайне гостеприимной женщиной, очень любила своего сына. Она напекла для них блины, Сережа очень любил блины с сгущенкой, но в этот день он особо не при­трагивался к еде.

-Отчего, Сереж, не ешь блинчики с сгущенкой? Ты же их так любил – спрашивала Любовь Михайловна.

-Не хочу – обиженно и пусто говорил Сережа.

После знакомства Марина предложила Сереже пойти и прогуляться по набережной.

-Сереж, проводи девушку – говорила мать.

-Ты хочешь прогуляться – спрашивал Сережа.

-Ну да – отвечала Марина – пойдем, недолго погуляем.

На набережной было тихо, совсем мало людей. Вечерние огни яркими красками разливались по темной воде. Сережа шел поникшим, задумчивым.

-Сереж, пожалуйста, прости меня! Я правда не хотела тебе сделать больно. Я обещаю тебе, клянусь, мне никто больше не нужен, кроме тебя.

-Ты способна на предательство, Марин. Я это понял в Лондоне. Это очень больно и невыносимо. Это грех. Я не хочу жить с человеком, который может предать.

-Пожалуйста, я же говорю, что пошутила с ним тогда, пошутила.

-Хорошо, я дам тебе последний шанс. Но, это последний

шанс, Марин.

Они встречались, будто ничего не было. Сережа простил Марину, забыл старые обиды. Они съехались, Марина переехала к Сереже. Они строили общие планы. Сережа говорил, что мечтает о их совместном ребенке, долго обсуждал это с Мариной. Марина тоже говорила ему, что хочет ребенка. Сережа во всем доверял Марине. Даже, когда она задерживалась, он не донимал ее допросами, он просто ей верил и доверял.

Марина забеременела. Рожать она не хотела, никогда не хотела. Она знала, что сделает аборт, Сережа не узнает, не должен узнать. Она просто пришла и сделала аборт, так просто, как сходить в магазин. Через несколько дней Сережа пришел в эту больницу к своей знакомой, тот его и спросил, почему они решили избавиться от ребенка. Сережа был сражен!

Ни жив, ни мертв – вот, как можно описать то состояние, в котором находился Сережа. Сначала он просто не поверил, даже нервно посмеялся. Нет, его Марина не могла убить их совместного ребенка, не могла. Они же так о нем мечтают. Но, когда он увидел доказательства, он все уже решил.

Он пришел к Марине на работу. Лицо красное, по щекам

текли горячие искренние человеческие слезы.

-Зачем? Зачем ты убила нашего ребенка? – сквозь слезы спрашивал Сережа.

-Откуда ты узнал – испугалась Марина.

-Откуда? Тебя это волнует? Не важно! Я отец, я имел право знать! Ты так и собиралась это от меня скрывать?

-Сережа, прости, прости меня!

-Ты мне врала, врала во всем! Ты снова меня предала, Марина! Никогда! Слышишь, никогда больше ко мне не подходи! Никогда!

Сережа с резким хлопком двери исчез из этой комнаты.

Марина долго бегала за Сережей, приходила к нему на работу, следила за ним, ходила на мероприятия, где и он был. Шли месяцы. Марина выпросилась в одну командировку, где был Сережа. Они ехали туда в одном автобусе, но он с ней даже не здоровался, делал вид, что ее нет. Глаза его, в эти дни, были печальные, того гляди из них хлынет поток горячих слез. Марина пала перед ним на колени, тут раздался церковный колокол, она вымаливала прощение. Сережа мол-

ча отвернул голову, из его глаз струились слезы. Он сказал: «Я тебя прощаю». И пошел. Марина долго сидела на коленях, лила слезы под заунывный колокольный звон, спрашивала: «Правда? Правда? Ты меня простил? Сереж, простил? Для меня это очень важно».

Марина с ужасом узнала, что Сережа уезжает в Москву. Ему там предложили хорошую работу, он не задумываясь согласился. Марина выяснила, что Сережа поедет в Москву на автобусе, а не на своей машине. Она заранее прибежала на автовокзал, там уже стоял он. Такой родной, но такой далекий. Она подбежала к нему, Сережа сразу отвернул голову.

-Сережа, уезжаешь? Я слышала, что ты уезжаешь в Москву. Пожалуйста, я люблю тебя, сильно-сильно, я места себе не нахожу без тебя, я с ума сойду! Пожалуйста, я умоляю тебя, не отталкивай меня. Прошу! Давай начнем все с начала! Пожалуйста!

Сережа стоял рядом, он ее слушал, но ничего не говорил, даже не поворачивал головы, смотрел в сторону, глаза его были пусты, но в них прочитывалось страдание, боль, мука.

-Я не хотела тебе делать больно! Ты же простил меня? Простил? Помнишь, ты говорил мне тогда на поле, что простил?

Сережа тихо кивнул головой, но при этом не смотрел на нее.

Тут подъехал автобус, Сережа пошел к двери.

-Сереж, скажи мне что-нибудь! Ну, пожалуйста!

Сережа повернулся, он смотрел страдальчески.

-Я могу сказать тебе только одно слово. Прощай.

Сережа сел в автобус и уехал.

Марина долго шла вдоль по набережной. Был восхитительный закат. Начиная смеркаться. На том берегу стали появляться первые огоньки, а на высоком бездонном небе поочередно засверкали первые звезды. Марина продолжала стоять, смотреть на противоположный берег. Он казался ей далеким, хотя был близким. Те же огоньки и звезды – они тоже казались далекими, но были ближе к ней, чем казались. Во всем этом вечере было много влаги, бледного молочного тумана от реки, который покрывал все, чувства какой-то пустоты и отчужденности от мира реального, чувство потерянности. Человек потерянный, человек, который не знает, что ему делать, куда идти. Заблудшая душа, которая даже не за-

блудшая, так как блудять и то негде было. Что будет? Вот, единственный вопрос, которым задавалась Марина. Сережа тоже видел берег, но только во сне. Он видел берег, противоположные огни, молочный туман, заполнявший все, темное небо с его первыми далекими звездами. Он даже чувствовал запах речной влаги. Он спал в автобусе во время поездки в Москву. Он видел во сне тот берег, который лишь казался далеким, но при этом был совсем близко. Дурманящий запах влаги, вечернего тумана чувствовал он, а наяву из его глаз текли горячие человеческие слезы.

Блудная кровь

Глава 1.

Угрюмая пятиэтажка с старыми и ветхими окнами, за мрачностью которых скрывался убогий быт коммуналки и совместной жизни местных нищих, алкоголиков, наркоманов, и даже бродяг. В одной из маленьких комнат сидела юная Мария и смотрела в старинное деревянное окно. Было ей от силы 19 лет, ее худое и вытянутое лицо было бледным и прозрачным, худое и тонкое тело обволакивал дырявый домашний халатик. Она уныло смотрела в окно, на улице шел небольшой дождь, в комнате было влажно и неприятно. Мария жила одна, практически. Ее убогая мать алкоголичка еще в детстве бросила дочку, ушла жить к соседу алкоголику, через пять лет совместной жизни сгинула вместе с ним. Кто был отец юной Марии – неизвестно. Убогие ху-

дые старухи, в прошлом тоже алкоголички, утверждали, что Анна – мать Марии, родила ее от сапожника, работавшего в маленьком подвале в соседней коммуналке. Саму же Марию воспитывала не менее непутевая бабушка, в прошлом тоже алкоголичка. Она всегда курила в комнате, из-за чего все обои и стены постоянно были в табачной пыли и осадках. Бабушка постоянно приводила различных мужчин, с которыми всю ночь предпочитала проводить время. Как таковым воспитанием внучки она не занималась. С детства Мария была представлена сама себе. Закончила шесть классов местной школы, затем пошла собирать крышки и различные жестянки, ибо вся пенсия бабки уходила на спиртное. В 16 лет на нее начали засматриваться мужчины, девушка нашла новый способ заработка – проституция. Платили мало, ибо все ее связи были с бедными алкоголиками, редко с простыми рабочими мужчинами – те платили ей приличней. Уже в свои 19 лет она давным-давно забыла, что такое детство, да и вообще знала ли она его? Даже в этот хмурый и дождливый день она вечером должна была идти к своему очередному клиенту – Васе Тишкину, он был слесарем в ЖЭКе, известен своими похождениями. С Васей Тишкиным она часто встречалась, он ей платил хорошо, ее такой вариант устраивал. Вот, старые прокуренные часы показали полдень. Мария переделась в старый протертый джемпер, надела изношенную джинсовую куртку, завязала сальные волосы в хвостик, и пошла из дому. На улице стоял холодный, но прият-

ный влажный запах, который бывает после длительного дождя. Как обычно, возле подъезда валялись пьяные мужики, откуда-то доносились крики, Мария вышла из своего мрачного квартала и направилась в соседний магазин.

-Иванова! – кричала продавщица – водку приняла?

-Да – отозвался громкий голос.

-О, Маша. За сигаретами пришла? – спросила вульгарная продавщица.

-Да, мне, как обычно. Две пачки.

-Тьф! Какие две пачки? На день?

-У меня пока нет больше денег. Завтра куплю больше. Пока так.

-Ладно, дам я тебе твои две пачки. Как там старуха твоя? Не померла?

-Пока держится.

-А хахаль ее?

-Тоже.

Тут Мария быстро взяла пачки, выбежала из магазина, чтоб не слушать расспросы, жадно закурила, и пошла домой. «Как же хорошо... Без сигар жизнь – не жизнь», – подумала Мария.

Вечером она сходила к Васе Тришкину, получила свои заветные деньги. Возвращаясь домой встретила Варвару соседку.

-Машюня идет! Привет, Машюня! – кричала подвыпившая и развязная Варвара.

-Привет, Варя!

«Варька, с новым хахалем, поди, в рестик ее свозил. А я... На сигареты одни работаю».

-Машюнь, че какая кислая? Не хочешь с нами? Руслан и тебя угостит. Да и ублажняет. Знаешь, какой он? Он мужчина огонь!!!! Ну?? Пойдешь с нами?

-Рада бы, да устала очень – завистливо ответила Мария.

-Слушай, че ты ходишь к этому лузеру?? Пошли со мной

завтра. Покажу тебе хороших и щедрых мужчин.

«Хм, действительно, надоело работать за одни сигареты. Пойду с ней, может, заработаю там в три раза больше».

-Конечно, давай! – охотно ответила Мария.

На следующий вечер Мария и Варвара отправились на трассу. Варька долго махала рукой, показывала различные непристойные позы, кривлялась. Тут подъехала солидная машина, из окна которой выглядывал молодой красивый парень.

-Девушка! Да, вы! Поехали! – обратился он к Марии.

-А сколько платишь, молодец? – смеявшись спросила Варвара.

-Сколько достойна! – отвечивал молодец – Ну дак как? Поедешь?

«Красивый, ровный, не то что те, которые меня все ловили. Съезжу, поди, много заплатит».

И Мария села в машину, после чего Варвара долго махала своей тощей рукой, строила гримасы и непристойные позы.

Они ехали молча. Мария была скромной натурой, предпочитала молчать. Тут роскошный автомобиль остановился возле городского ресторана.

-Куда вы меня привезли? Мы разве не в гостиницу? Или, хотя бы, к тебе? – удивленно спросила Мария.

-Посмотрим – отвечал молодец – Пока пойдем и пообедаем.

Тут чересчур скромная, даже оборванная, Мария села за столик, она никогда в жизни не бывала в подобных заведениях. Молодец заказал себе кофе, салат Цезарь, ароматный борщ. Мария долго думала над заказом, остановила свой выбор на пасте с соусом и мясным гуляшем, взяла также черный чай. Она сидела, смотрела на чернобрового парня, он был в костюме и выглядел очень солидно.

-Чем занимаешься? – прервала молчание Мария.

-Продолжаю дело отца. У него своя компания в нашем городе.

-Бизнесмен? – недоверчиво спросила Мария.

-Да. А ты? Всегда работаешь проституткой?

-Ну а че! Да! У меня нет отца бизнесмена, а жить нужно.

-Учиться и работать нормально не пробовала? – слегка осуждающе спросил парень.

-Не пробовала! Еще вопросы? – агрессивно сказала Мария.

У них было пятиминутное молчание.

-Хочешь, я помогу тебе? Устрою в нашу компанию кем-нибудь, будет достойная зарплата.

-Меня? Мальчик, ты знаешь, кто я? У меня образование – шесть классов! Кем ты меня возьмешь? Да и зачем тебе это?

-Может, ты мне нравишься? У тебя есть шанс изменить свою жизнь. Хочешь, дело твое, можешь отказаться, я не принуждаю.

«Хм, неужели я ему понравилась. Так, ну, попробовать можно. Глупо отказаться».

-Хорошо, я согласна. Кем буду работать?

-Поначалу уборщицей. Ну, прости. Образования нет, я бы рад, но пока большего дать не могу. Но, платить я буду хорошо, обещаю.

-Ладно! Давай так.

-Только при условии, что ты бросишь нынешнюю работу – заявил парень.

-Хорошо.

-Я сниму тебе квартиру. Да, вот, возьми. купишь себе новые вещи. Нечего в рваньё ходить.

Мария взяла данные ей деньги.

-Ого! А ты щедрый малый! Не ошиблась я в тебе – игриво сказала Мария.

Они пообедали, после поехали к нему. Он жил в центре города в элитном районе, его квартира была белая, как сам мрамор. Огромные залы, своя терраса, маленький зимний сад. Это место было похожим на Рай. Мария долго ходила по роскошным апартаментам, она в жизни не видела ничего подобного. За бутылкой белого вина они вместе провели

вечер, потом не менее страстную ночь. Через неделю Мария уже переехала из своей убогой коммуналки в достаточно хорошую съемную квартиру. На следующий день приступила к своим новым обязанностям – уборщица в компании «Мастер плиток».

Глава 2.

Мария месяц работала уборщицей в компании «Мастер плиток». Работа ей не нравилась, она думала, как бы поскорее найти себе достойную партию, чтоб жить на полном обеспечении в свое удовольствие. Старая бабка даже не вспоминала про внуку. Уехала и уехала. Сама Мария тоже не поддерживала с ней связь. Что касается Владимира, ибо так звали того обворожительного юношу, он Марии надоел. Они встречались почти каждый день, поначалу ее все устраивало, но через две недели он ей наскучил, ей захотелось нового, новых ощущений.

В компании работал молодой экономист – Валерий Дмитриевич. Он был хорош собой, тоже молодой и статный, Мария сразу положила на него взгляд. Единственное, что любил сам Валерий – так –то деньги! Деньги были его страстью. Как он сам говорил: «Я потому и пошел в экономисты – уж очень люблю я денежки считать!». Один раз он столкнулся с Марией в коридоре и сказал: «Какая дамочка! Новенькая?».

-Новенькая! А ты? Ты же, вроде, экономист, Валера?

-Да! Запомнила! Ну бывай! Быть может, еще свидимся – игриво сказал Валерий.

Однажды, Мария не выдержала, стала ждать Валерия с работы, заговаривала с ним с поводом и без повода, на работе старалась часто с ним пересекаться. Валерий долго отшучивался, косил под дурака, потом взял, да и отвез ее в свою квартиру после рабочего дня. Так они встречались часто. Валерий был небогатым человеком. Рядом с Владимиром он даже не стоял. Мария знала, что долго с ним не будет, но он ей нравился, больше, чем Владимир. Одной ночью, закуря прям в спальне, Валерий предложил:

-А ты знаешь, что у твоего Владимира в сейфе хранятся деньги? Как-то случайно я увидел, как он набирает код, там столько денег лежит!!!!!! Мама дорогая!!! Даже и не снилось!!!! Я тут подумал, ты ж девка боевая, вся такая ролевая! Давай грабанем его, да свалим отсюда! Свалим далеко и желательно навсегда!! Как думаешь? А?

-А в тюрьму свалить не хочешь потом? – двусмысленно ответила Мария – Я лично не хочу.

-Да какая тюрьма!! Он простофиля!! Даже камеру не установил у себя! Прогорит вся его фирма, ибо он дурак!! А мы заживем, устроим свою жизнь.

Мария тоже закурила, полежала десять минут, подумала, да и согласилась.

Через неделю, когда сотрудники ушли на обед, в том числе и Владимир, Мария пролезла в кабинет своего начальника и любовника, набрала код на сейфе, который ей сообщил Валерий, открыла дверцу... Сколько там было денег... Мария обомлела, ее руки затряслись, глаза заблестели, нижняя губка легонько задрожала. Она была в эйфории. «Не может быть... Сколько денег... Они мои! Они мои!!!!!!!!!!». Тут Мария схватила все деньги, убрала их в пакет, слегка огрызнулась непонятно чему, и ушла. На улице ее ждал Валерий. Он проверил пакет, обрадовался, заликовал!!

-Вот теперь, Машенька, за новой жизнью! – радостно сказал Валерий.

Они уехали на такси в другой город, вещи были собраны заранее, через неделю они уехали еще дальше, потом и все улетели. Жили они в другом конце России. Валерий купил квартиру, денег было полно, он тут же нашел сомнительную компанию, чтоб завязать дело. Мария каждый вечер

ми проводила в баре, днем предпочитала валяться в койке. По дому она ничего не делала, еду заказывали из ресторана. Но, беззаботная жизнь длилась недолго. Валерий успел устроить проблему, связался с местными бандитами, те его обвели, в связи с чем он выплатил им, практически, все деньги. Валера не собирался идти работать, он стал ходить по подпольным казино, играл в автоматы, карты, рулетку. Иногда он зарабатывал, чаще всего проигрывал и не мало. Один раз он умудрился постановить насчет и саму Марию, ибо денег больше не осталось. Старый бандит ехидно ухмыльнулся, блеснул своим золотым зубом, сказал: «Ладно! Проиграешь, дева моя!!!». И он проиграл...

-Поехали за девкой! – сказал бородатый бандит из девяностых.

Они приехали, Мария как раз пришла из бара, была сильно выпившая.

-Где она?! Вот она! – завопил довольный старик.

-Ум? Э! Ты кт...кто?? – не понимая спросила Мария.

-Муж твой, новый! – и тут старик ухмыльнулся так широко, что золотой зуб был на самом видном месте.

-А Валера? Вал... Валерий...Дмит...Дмитриевич? Ттттыыы, а как ты...Ттттыыы.

-Он тебя проиграл, забудь! Поехали, а то мне уже не терпится! Где там твоя... Хотя ладно, уж у себя! – довольно подметил бандит.

Он вывел пьяную Мария на улицу, усадил в машину, она косо глянула в окно своей старой квартиры, из него виделся силуэт Валерия, он помахал рукой, да и погасил свет.

Машина ехала долго, была глухая ночь. Мчась по темному ночному шоссе, Мария смотрела в окно на темный пейзаж холодной ночной улицы. Небо было темным, виднелось лишь пару небесных, но таких далеких и холодных звезд. Мария впала в небытие, когда очнулась, то уже лежала абсолютно голая в постели, на нее светило яркое солнце...

Мария полгода жила с этим бандитом. Ну как бандитом. В былые года он был еще тем бандитом. Сейчас же обычная шпана, нелегальный кредитор, который привык выбивать свои долги своими излюбленными методами. Марии даже нравилось с ним, он был щедрым, дарил ей ювелирные украшения, разрешал ходить по барам, а также не работать. Денег у него было достаточно, чтоб жить, относительно, безбедно. Мария с ним часто выпивала. Запах алкоголя и густой

дым табака всегда стоял в их квартире. В последние месяцы своего совместного житья Геник – его прозвище, а так Геннадий допился до белой ручки, что стал бить и крушить все на своем пути. Сама Мария всегда ходила битая, вся в синяках, один раз даже с ушибленным носом. Ну, под сильным действием алкоголя она не чувствовала особой боли.

Был у Геннадия один злющий враг – Виктор Жилин, по прозвищу «Барыш», ибо всегда за ним водились крупные накопления. Он давно приметил Марию, всегда мечтал ею обладать. Она возвращалась с магазина, из которого, по традиции, несла заветные бутылки, сигареты, малую часть продуктов – закуски. Он подъехал к ней на своем мотоцикле и сказал:

-Вся битая, а хорошая баба! Прыгай ко мне, да поехали из этого болота! Будешь жить со мной хорошо, девица!

-Ха! – слегка возмутилась Мария – ты мне обеспечишь беззаботную жизнь? Ну не знаю, Витя, не знаю – игриво заговорила Мария.

Тут глазки ее забегали по его раскрытой упругой груди, посмотрела на его в прошлом симпатичное лицо. «Хм, Генка спятил, бьет меня и бьет, так и убьет, однажды. Поменяю его!».

-Давай, ковбой! – засмеялась Мария – вези к счастью!

Она села к нему в мотоцикл, и они уехали. В ближайшем поселке у него была квартира от матери, там они переночевали, естественно, опустошив все бутылки, на следующее утро поехали в соседний городок, где и начнутся новые похождения.

Глава 3.

Виктор был хорошим любовником, Мария чувствовала себя, как за каменной стеной. Перестала пить, занялась своей внешностью, стала ходить в салоны красоты. Нигде не работала, у Виктора денег было много, снимали квартиру, Мария продолжала ходить на различные городские тусовки. Однажды, подошли к ней двое парня – такие молодые и красивые, им было не больше 22 лет. Мария не удержалась, давно не было у нее молодых. После этого случая, она часто ловила молоденьких красавцев, проводила с ними бурные ночи, порой, и днем встречалась. От Виктора это скрывалось, ибо тот такое никогда не простил, как и любой другой из этого круга людей. Со временем, наивный, с возрастом, Витя начал заподозривать, выследил, как его Машенька уезжает из клуба с молодым парнем. Как устроил он потом встряску Марии, мало не показалось.

-Еще раз!! Вот еще раз!! Убью, гадюку!!! Шалава!!! Ой, клянусь, убью!!!!!!!!!! Суку!!!!!!!!!!

Виктор стал следить за Марией, та поняла, что ее беззаботная жизнь закончилась, решила по-быстрому сбежать от надоевшего уже ей старика. Одной ночью укатила с парнями из обеспеченных семей, осталась у них, везде, где только можно, заблокировала Виктора. Теперь она жила с этими недалекими парнями, жили втроем, как ни странно. Она познакомилась с их компанией, чуть ли не каждую ночь они проводили тусовки на квартире, иногда на даче. Мария снова пристрастилась к алкоголю, очень много курила. Так проходили ее будни, выходные, недели, месяцы. Прошло чуть больше половины года, как она познакомилась с одним парнем в магазине.

Это был простой продавец-консультант в магазине техники, там Мария покупала себе новый телефон. Он был очень красив, вежлив, полная противоположность развязной Марии. Не знаем чего, но что-то ее зацепило в нем с первой же минуты. Она поняла, что хочет быть с ним, хочет провести с ним длинные ночи, встретить рассвет, поесть клубники в сливках. «Какой парень... Никогда с такими еще не спала и не проводила времени. Ой, пропадаю, теряю прям голову. Как он говорит, голос аж в голове моей звучит. Нет, необыч-

ная встреча». Так, весь оставшийся день, весь последующий день, всю неделю, весь месяц она думала о нем. «Как он там? Работает ли еще в том магазине? Может, проверить его? Хотя бы одним глазочком посмотреть...». Она пошла в тот магазин, удача, опять работал этот парень, она его сразу узнала.

-Здравствуй! Прости, что так резко, у меня компьютер полетел, не порекомендуешь мне какую-нибудь новую модель? – слегка застенчиво спросила Мария.

-Конечно, давай покажу.

Она узнала его имя – Анатолий. Она попросила его прийти и установить технику, он пришел, помог, остался на чай, и пошло-поехало... Они стали встречаться. Мария тщательно скрывала свое прошлое, говорила, что приехала поступать, но не поступила, и ей негде жить. Простодушный Анатолий пустил ее в свою квартиру, они стали жить вместе. С прошлой компанией Мария порвала связь, она жила только им, уделяла внимание только ему. Поначалу, устроилась в газетный киоск, после работы шла и готовила ужин. Анатолий был техником, чинил компьютеры, телефоны и прочую технику. Был человеком достаточно начитанным, жил в хорошей, но скромной и одновременно уютной квартире в спальном районе города. Зеленые обои напоминали живописный луг. Мария чувствовала какую-то внутреннюю гар-

монию, ей было хорошо, хотя никакой роскоши в жизни она больше не испытывала. Она познакомилась с его родителями, отец всю жизнь был инженером на местном заводе, мама – учитель истории. Дома тоже было много книг, одну Мария даже взяла почитать – историю Древнего Китая. После прочтения она сидела и обсуждала ее с Толей, как ни странно, но ей это стало интересно. Так она прожила чуть больше полтора года.

Когда Анатолий начал настаивать на получении образования, Мария явно стала отстраняться от него. У них начали возникать ссоры, скандалы. Мария всегда в этот момент уходила из дома, шла в клуб, проводила ночь под градусом спиртного напитка и в компании молодых парней или зажиточных бизнесменов, искавших дешевую любовницу, а то и проститутку на ночь. Как-то к ним домой пришел сантехник, он сразу сказал, что намерен провести с ней ночь другую, Мария прям в квартире Анатолия его приняла.

-А ты не чо так! – заявил сантехник – может, еще побалуешь?

-Побалую, ты только приходи, мальчик – игриво сказала Мария.

Уже вскоре она поняла, что Анатолия пора уходить, но не

с пустыми руками. Она знала день его зарплаты, знала, где он хранит деньги, пока его не было дома, она забрала деньги, позвонила сантехнику, и вместе с ним уехала прочь. Начались новые разгульные ночи, оргии. Она проводила ночь и с сантехником Виталиком, и с слесарем Андреем, и с токарем Кириллом. Порой, за одну ночь могла всех обслужить. Все это делалось под большой дозой алкоголя, густой дым табака настолько впитался в Марию, что уже ничего не могло перебить его запах.

-Я хочу веселиться, поехали в клуб!!!! – визжала Мария.

Они ездили в клубы, бары, там Мария напивалась, уезжала с очередным клиентом, утром просыпалась, и вновь готовилась к бурной ночи. В одну ночь сантехник Виталий настолько перепил, что не сдержался, высказал Марии о том, что никогда не простит ей ее похождения, что она должна быть только его. После пьяной ссоры он изрядно ее избил, покатал по полу, скинул с лестницы. Корчившись от боли, она выползла на улицу, еле-еле дошла до лавки, где и заснула. Виталий начал преследовать Марию, утверждать то, что она должна быть с ним, иных вариантов он ей не дает. Мария же долго пыталась скрыться в очередных клубах, найти какого-нибудь нового ухажера и уехать с ним, но все тщетно. Виталий везде ее находил, устраивал скандалы, бил Марию, грозился убить. Мария взяла свои немногочисленные вещи,

да и уехала в другой город.

Глава 4.

Мария долго искала место под солнцем, как правило, все ее последние связи были одноразовыми, не было больше за-тяжных отношений. В свой 21 год она уже была никому не нужна. Пропитая, поникшая, на вид нездоровая и вечно бледная девушка не оказывала никакого впечатления ни на кого. Ей пришлось снова встать на трассу, там заработки были, но не такие, какие она привыкла видеть за последние два года. Ей пришлось устроиться посудомойщицей. Днем она намывала посуду в местном кафе, вечером же выходила на трассу и ловила очередных клиентов.

Это был холодный, серый и дождливый день. Холодный медленный дождь томно опускался на уже влажную землю. Мария уныло шла на работу, увидела, как на уличной веран-де сидит худая, но приятная женщина средних лет. Она была одета в черный плащ, из под которого выглядывал синий атласный платочек и блузочка. Густые черные волосы были бережно заплетены назад. Женщина сидела и медленно ку-рила, да еще так тихо, будто прислушивалась к дождю, хо-тела узнать что-то новое о данном явлении природы. Мария самовольно подседа к этой женщине средних лет, попроси-ла у нее сигаретку. Женщина ей дала, причем, она смотрела,

как Мария ее курит, следила за ней, не отрывая глаз.

-Работа нужна? Клиентов мало? – заинтересовано спросила дама.

-Каких клиентов? – недоумевающе спросила Мария.

-Я вижу вас, девки. Ха! Видно по тебе, что не можешь найти клиентов. Так уж и быть, вот, держи! Визитка. Приходи к нам, тебя возьмут. Хи! – томно и самоуверенно произнесла женщина средних лет.

-В Казино? Какие там могут быть клиенты? – еще более недоумевающее спросила Мария.

-Не в казино, милочка! Ниже располагается публичный дом, самый настоящий. Приходи, найдем тебе применение.

Тут женщина средних лет докурила свою третью сигарету, бережно каблукочком затушила окурок, взяла свой черный зонт и ушла. Мария недолго думала над этим предложением, на следующий же день она пошла в этот подпольный публичный дом.

В публичном доме действительно было очень много клиентов, за сутки Марии, порой, приходилось обслужить аж 15

мужчин. Работа была изнурительной, после каждой ночи все болело, силы покидали ее. Зато их бесплатно кормили, можно было пить алкоголь, курить вне умеренном количестве. В основном, все были возрастом от 25 до 45 лет. Мария была там самой младшей. Ее коллеги-девочки предпочитали над ней язвить, хохотать и всячески издеваться. К Марии подходили в основном мужчины средних лет, а то и вовсе пожилые. Каких ухищрений она только не увидела, таких, она даже ранее не встречала. Особенно полюбилась она одному 65 летнему банкиру, уж очень он любил Машеньку, ходил чуть ли не каждый вечер. Мария же терпеть его не могла, он был хуже всех во всех отношениях. Он даже хотел выкупить ее, чтоб она принадлежала только ему. Но, таких порядков нет, даже в публичном доме. Он сам начал ей угрожать, что, если она будет обслуживать еще и других клиентов, то она будет наказана, очень-очень сильно.

В один день к ней подошел молодой парень, лет 27. Он был любителем женщин, был помешан на интимае, ему его было крайне мало. Мария ему сразу пригляделась, стал то и дело к ней ходить, она же его умоляла, чтоб он от нее отстал.

-Мне нельзя с другими быть! Я куплена! – вопила она.

-Не неси бред! Это невозможно! Я буду тебе вдвойне платить, только не упрямься! – настаивал молодой человек.

-Ты не понимаешь, я клиентка самого Валентина Федоровича! Банкира! Он сказал, что я принадлежу только ему, и, если он узнает, что я еще кого-то обсуживаю, то мне и тому не посчастливится!

Парень слегка испугался, имя у него явно было на слуху. Но, он все равно приходил, не мог себе отказать в этом удовольствии. Сама Мария была уже рада, он был для нее светом в окошке, светом, который так редко проникает в эту бездну блуда и сплошного порока.

Тем временем, Валентин Федорович стал понимать, что его Мария, все же, обсуживает других. Он был в ярости!!!!

-Она мне заплатит!!!! Тварь дешевая!!!!

Мария понимала, что над ней нависла туча, из которой вот-вот польет дождь и загремит гроза! Молодой парень – Алексей, предложил ей бежать. Мария вышла на улицу, якобы, покурить, там ее ждал Алексей, они уехали на его машине. Дело было к вечеру, когда они выезжали из города, было уже вовсе темно. Тут, на пустой трассе, они заметили сзади элитный автомобиль, он им то и дело сигналил, Алексей пытался гнать, но все было тщетно. Им пришлось остановиться.

-А ну вылезай! Ты моя! Забыла?? – завопил Валентин Федорович.

Мария вышла, с укором посмотрела на него, слегка огрызнулась.

-Либо в машину, либо на тот свет! Выбирай же! – яростно кричал Валентин Федорович.

Мария стояла, она молчала, ее глаза были пустые, она стояла, было ощущение, что она и вовсе выпала из этого мира.

Алексей сказал, что она никуда с ним не поедет и чтоб он от нее отстал. Тут Валентин Федорович вцепился своими костлявыми руками в горло парня, тот с легкостью повалил старика, после чего тот гневно поднял свою седую голову, за секунду достал пистолет и сделал долгожданный и явно напрашивающийся выстрел. Мария посмотрела своими пустыми глазами на холодное и одинокое темное поле, которое совсем легонько освещало две бледные и холодные звезды, светящиеся где-то в сумраке неизведанного ледяного черного неба. И рухнула.

Хороший человек

Я стоял на остановке и ждал этого Дениса. Воздух был весенний теплый, сильно пахло дорожной пылью. Мартовское солнце светило высоко, небо казалось бездонным и холод-

ным. Мне не нравилась моя работа – ездить на эти стройки, на различные шашки. Вообще мне ничего не нравилось, а может что-то нравилось, просто я не знал этого. В этот весенний теплый день я должен был ехать с этим незнакомцем на объект, работа была пустяковая – всего-то перетащить весь инвентарь, да несколько кирпичей для постройки нового дома. Но мне было так лень ехать... На остановке стояла уйма людей, все ехали на работу, по делам. «Как все однообразно в этой жизни», – размышлял я. «И чего все так живут?», – нередко думал я.

Тут ко мне подошел высокий и приятный молодой человек, он улыбнулся мне, протянул свою широкую ладонь. Его рука была мягкой, несмотря на достаточно крепкое рукопожатие.

-Меня зовут Денис! Будем знакомы – с улыбкой сказал мужчина.

-Павел – равнодушно ответил я.

-Сейчас подойдет наш автобус, тут ехать не так далеко, всего полчаса. А так, в следующий раз можем на моей машине. Сегодня, прости, не стал ее заводить. У тебя есть своя машина?

-Нет. У меня и машины нет. Езжу на автобусах – слегка раздраженно сказал я.

-Ну ладно – дружелюбно хлопнул меня по плечу – бывает. Я подвезу, мне не сложно. Я, как понял по телефону, ты здешний. С этого района?

-Да, вон мой дом, прям за остановкой.

– Я тоже тут совсем рядом живу. Соседи.

Автобус подошел быстро, ехали мы действительно не более получасу, ибо живем на окраине города. Мы приехали в небольшой коттеджный поселок, быстро нашли нужный нам участок. На сегодня мы согласовали перетащить весь рабочий инвентарь в новый контейнер, также начали ставить забор, к вечеру управились. Денис достал бутылку воды, глотнул пару раз, предложил мне. «Фу, какая мерзость! Как можно предлагать мне пить воду после него? Нет, уж слишком я брезглив». Денис слегка удивился, но не стал заострять на этом внимания. Когда мы возвращались в город, был уже яркий закат. От нас сильно веяло потом, мне становилось крайне противно, хотелось очиститься от этой грязи. Как назло, мне пришлось выходить на одной остановке с Денисом. Мы шли вместе, обсуждали завтрашний день. Честно, уже за сегодня он меня утомил. Такой болтливый. Я устал

от его общества. Слава Богу, мы разошлись, хоть пятьсот метров я мог пройти спокойно наедине со своими мыслями. «Неужели мне его еще терпеть три недели?», – нервно думал я. «Противный мужик! Глупый! С чего он со мной так по-дружески говорит? Я не хочу с ним настолько сближаться. Неужели он не чувствует дистанцию между нами». Всю ночь я думал о нем, о том, как придется его терпеть, слушать его резвую речь, видеть эти добрые и светлые глаза. «Бесит!».

Так я ездил с ним две недели почти каждый день. Я знал, что у него есть любимая жена, любимый сын Никита. Что каждый выходной они ездят куда-то гулять. Обычная семья. Про себя же я особо ничего не говорил, да и нечего было. Про меня он только знал, что живу я один, никого у меня нет. Он говорил, что семейная жизнь – вот истинное счастье. Я с этим не был согласен, именно для меня такой вариант невозможен, я не могу и не хочу уживаться с чужим для меня человеком. А так, говорили про работу, про заказчика – молодого человека, приехавшего из соседнего крупного города. Дни, на удивление, проходили быстро. Март минул, наступил апрель, уже повсюду пахло весной, веяло приятным теплом.

Это был обычный, на первый взгляд, день. Я также ждал

его на остановке. Он всегда меня забирал на своей машине. Оставалось не много рабочих дней. Я ждал конца! Ждал, когда попрощаюсь с этим Денисом, с этим обычным мужиком. Тут, приехала его машина, он вышел, протянул свою мягкую руку, легко сморкнулся, что вызвало у меня явное отвращение. Затем он указал рукой на машину, в которой виднелся силуэт мальчика.

-Я сегодня с сыном. В школе уроки отменили, оставить не с кем.

-В каком он классе? – спросил я.

-Всего второй. Малыш еще – усмехнулся добродушный Денис.

Мы сели в машину, мальчик стеснительно посмотрел на меня, в руках он держал какого-то толи робота, толи трансформера. Денис представил меня своему отпрыску, попросил его не стесняться и не бояться.

День был недолгий, нам оставалось совсем мало работы. Мальчик играл со своим роботом, иногда подбегал к отцу, тот ему теребил волосы на голове. В обеденное время Денис дал ему вишневый конвертик и чай из термоса. Я наблюдал, как они едят. Не знаю, сын мне казался полным подобием

его. Они так были похожи. Даже повадки те же. Денис предложил мне выпить воды, я, как всегда, отказался, ибо не хочу иметь с ним ничего общего, даже слюни.

Вечером перед отъездом Денис меня предупредил, что высадит возле ТЦ недалеко от моего дома, ибо ему с сыном нужно заехать в магазин за продуктами. Я сказал, что меня такой вариант, вполне, устраивает.

-Ну что, Никит – заботливо сказал Денис – поедем в магазин покупать продукты, как нам сказала мама.

-Дя! Купишь мне сыррок? – забавно сказал малец.

-Конечно – посмеялся Денис, и снова потерябил ему волосы на голове.

Они высадили меня у ТЦ, а сами поехали дальше. Я все думал, как же я хочу от него избавиться! Очень! Всю ночь я толком не спал, ворочился в постели, думал о том, как хочу его убить! Я хочу его убить, потому что хочу. Я хочу отнять у него жизнь, именно у него. Почему он должен жить? Я не хочу, чтоб он был. Хочу увидеть страх его в глазах, чтоб он понял, что я не он, не как все. Тут я вспомнил, что нас попросили съездить в соседнюю область на объект, буквально на день. Я подумал, почему бы мне не воспользоваться? Мы

выедем ночью, ехать туда далеко. Он будет дремать, я его завезу там на заброшенную ферму, у меня как раз осталось ружье, мой отец был заядлым охотником. Я его под дулом выгоню из машины и пристрелю, как скот! Да он и есть скот! Что его отличает от животного? Еще он как раз возьмет своего сыночка, опять не с кем оставить – жена в командировке. И с этим отребьем разберусь! Нет! Я сделаю это! Не попробую – всю жизнь буду жалеть! Тут я заржал во весь рот, еще покувыркался в своей постели, да одурманенным заснул.

Это состояние не было похожим на сон. Мне виделась золотая нива, легко развивающиеся на легком и теплом ветерку золотые колосья. Я шел этим золотым полем, надо мной простиралось широкое бездонное голубое небо. Оно было чистым, но очень холодным, чужим, даже враждебным. Я шел, был наедине с природой, но мне было неприятно, как-то пусто, я не чувствовал единства с этим миром. Он был мне чужим. Я чувствовал запах колосьев, слышал ветер, крик кружащихся птиц, но это было все не то, сложно картинка, но никак не жизнь. Я очнулся от этого бреда, на часах уже было девять утра. «Да!», – сказал я себе – «Я убью их! В ночь на одиннадцатое!».

Все шло по плану. Он заехал за мной, я незаметно спрятал

ружье в большой спортивной сумке. Больше всего я боялся, что он спросит про сумку, но он не стал этого делать. На заднем сиденье сидел его сын, он смотрел доверчиво, также добродушно, как и его отец. Денис снова протянул мне свою мягкую руку, после этого мы отчалили.

-Давай ночью я поведу, а вы поспите? – предложил я.

-Как здорово! Давай! – доверчиво согласился Денис.

Уже в двенадцать они оба дремали, я все ждал, ждал, когда появится эта заброшенная ферма. «Да!», – восторженно подумал я – «Вот она! Она появилась!». Я заехал на территорию этой темной и мрачной фермы. Была идеальная тишина. Я вышел из машины, Денис уже крепко спал, начал слышаться легкий храп. Я тихо достал ружье, все тщательно проверил. «Блин! Ошибиться нельзя! Никак нельзя!», – думал я. Вот, я уже стою напротив машины, уже нацелил свое ружье. Мне никак не хватало смелости крикнуть и разбудить их. В конце концов я решился.

-Вставайте! Живо! Я вас жду!

Денис сонно посмотрел, потер свои глаза, на его лице было недоумение.

-Я говорю, Вставай!

Денис вострепенулся, у него был испуг на лице. В этот момент маленький Никита заплакал, сзади обнял за шею отца.

-Папа, мне страшно... Папочка, я боюсь!!!!!!!!!!».

-Паша! Ты в своем уме? Что ты делаешь?! – громко сказал Денис.

Я держал ружье, Никита рыдал, кричал, бился. Денис долго не понимал, что происходит.

-Выходите из машины! Быстро, я сказал!!!!!!!!!!!! – уже орал я на всю ферму.

Я сделал предупреждающий выстрел в воздух.

-Черт! Что ты творишь?? Ты больной?? – выходя кричал на меня Денис – Никит, сынок, держись меня!

Никита прижался к отцу, крепко схватил его за руку, он рыдал, испуганно кричал. Денис пытался схватить меня, но я делал выстрел, еще один. Пока я его просто предупреждал.

-Иди! Идите на ферму! Живо, я сказал!!!!!!!!!!!! Жи-

во!!!!!!!!!!!! И без глупостей!!!! – одержимо орал я.

Денис крепко держал сына, они быстро зашли в заброшенный амбар.

-Что ты творишь?? Зачем ты это делаешь?? Что тебе нужно?? Паша, прекрати! – раздраженно говорил Денис.

Тут он вновь попытался выхватить у меня ружье, я вовремя отпрыгнул, сделал выстрел, Денис отлетел в испуге.

-Я сейчас пристрелю твоего сына!!!!!!!!!!!! Встали ровно!!! И без глупостей!!!! – вне себя я орал.

-Ты итак нас уже убьешь! Не тяни, урод!!! – отчаянно и нервно говорил Денис.

Тут он сделал последний свой рывок, долго пытался выхватить у меня ружье, но я выстрелил, выстрел попал в Никиту, тот свалился наповал.

-Никита!!!!!! Сынок!!!! – вопил Денис.

В этот момент я выстрелил ему в спину, Денис рухнул на старое сухое сено, жалобно завопил, на его добрых глазах проступили слезы. Он лежал рядом с телом своего сына, то

и дело поднимал свою грязную голову, смотрел на него, пытался пощупать, но потом бессильный отпускаясь, хныкал. Я подошел к нему, перевернул, он смотрел на меня, глаза с каждой минутой утрачивали свой былой блеск.

-За что? – из последних сил спросил Денис.

-Ты не подумай, я хороший человек. Я все понимаю, мы с тобой много и долго о чем говорили. Поэтому, я не буду заставлять тебя долго мучиться. Прощай.

Я выстрелил. Этот выстрел был в упор. Денис сразу замолк.

Я долго копал яму, сначала лопатой, потом и вовсе рыл руками землю. Я устал, но мне нужно было еще перетащить тела. Сначала я бросил тело Никиты в яму. Он был намного легче. С Денисом было сложнее. Он был достаточно крупных габаритов, я долго его тащил, надорвал себе все руки и спину, но дотащил. Когда я сбросил его, сразу начал закапывать яму. Не заметил я, как на небе вышло яркое солнце. Я сел в машину, уехал с этой фермы. Ехал я недолго. Через десять минут я бросил машину, вышел к лесному оврагу, где открывался чудный вид. Небо было нежным, сливочным. Я долго стоял, смотрел на него, любовался его видом. Сегодня оно было каким-то особенным. Было идеально тихо, ника-

ких звуков. Будто и не было ничего в этом мире, кроме меня и природы. Яркое, но холодное солнце подымалось все выше, вот-вот скроются уже бледные и далекие звезды до следующей ночи. Я стоял, ловил нотки свежего утреннего воздуха, он был прохладным, но таким далеким и приятным. «Я хороший человек», – говорил я сам себе – «просто причуда не более».

Пустое золото

Она лежала долго, ей оставалось буквально полугода. Нина Афанасиевна некогда влиятельная женщина, директор самого крупного универмага Ленинграда, стальная леди, вдова известного предпринимателя, ранее партийного чиновника Николая Григорьевича так медленно и мучительно умирала в своей постели. У нее никого не осталось. Был один сын – Петр Власов, да и тот мот, любитель азартных игр, выпивок и посяделок. Муж давно умер, оставив в наследство огромный особняк в Ленинградской области и дачу. Ну а других родственников у нее и не было. Вот она, совсем беспомощная и слабая лежит, смотрит уныло в окно, откуда доносился сладостный медовый запах цветущей сирени.

– Мда – думала она – вот и кончается моя пора! Так быстро жизнь пролетела. Эх. Даже оставить все это имущество не к кому. Сын за год все промотает.

-Нина Афанасиевна! – крикнула горничная – Нина Афа-

насиевна, к вам ваша новая сиделка. Уже здесь, хочет войти.

«Эх, опять прислали какую-нибудь молодую дуру с мед вуза, надоели как. Даже помереть не дают спокойно», – нервно размышляла Нина Афанасиевна.

-Пускай ее! – крикнула хозяйка.

В широкую и просторную комнату зашла совсем юная девушка. Она была настолько скромна и проста, настолько тихой и робкой, что даже было неловко завести с ней разговор. Сама она была низкого роста, худенькой, была вся миниатюрненькая и аккуратненькая. Кожа была безупречно белой. Да и одета она была совсем по скромному: в белой блузочке с элегантным черным бантиком на шее.

-Ой, совсем юная. Куда же вы ее? Она тут и недели не проживет! Нет, я отказываюсь от ее услуг! – завопила хозяйка.

Девушка слегка испугалась, легонько кашлянула, совсем-совсем робко сказала: «Знаете, Нина Афанасиевна, вы правы. Я совсем еще юная. Именно поэтому мне нужен опыт. Я закончила мед с красным дипломом, но в больницу не берут. Нужен опыт. Помогите мне, пожалуйста. Я ведь такое расстояние преодолела, пока к вам сюда добиралась. По крайней мере, меня выгнать вы всегда сможете. Дайте хотя

бы шанс».

«Иш, какая! Ладно. Оставлю ее пока. И все же, больше недели она не продержится», – думала хозяйка.

-У вас документы проверили?

-Да, все в норме. Именно поэтому меня и впустили в ваш дом.

-Хорошо, вы можете остаться. Но, у вас будет испытательный срок – неделя. Продержитесь – будете работать, а со мной, знаете, очень нелегко работать, уж я то знаю.

-Хорошо. Скажите, когда я могу приступить к своим обязанностям? – все также кротко спрашивала юная девушка.

-Сегодня! Непременно сегодня! У вас есть час. Через час я жду свой обед! Не Дай Бог опоздаете.

-Не волнуйтесь, я все успею – робко ответила девушка.

«Господи. Не хочу их видеть. Надоели эти сиделки. Проку от них... Никакого» – еще более нервно размышляла хозяйка большого дома.

Как ни странно, но юная девушка работала не покладая рук. Не то что неделю, она уже целый месяц проработала сиделкой Нины Афанасиевны. Изначально, та особо ею не интересовалась, постоянно капризничала, пыталась выжить бедную девушку, но та была готова выполнить любой каприз своей госпожи. Так, неделя за неделей, и Нина Афанасиевна привыкла к юной особе, ей очень нравилось, когда исполняют ее капризы. Теперь, когда есть такая услужливая прислуга, можно в любой момент что-то загадать, и она, как волшебница, в сию минуту исполнит это желание. «Уж не фею ли мне послал сам Бог перед смертью? Хм» – думала больная госпожа.

Каждое утро начиналось с уборки комнаты, в которой жила хозяйка, с проветривания. Только потом современная помещица желала завтракать, причем каждый раз одно и то же – омлет и кофе с молоком – не более. После она давала распоряжения: погладить или постирать белье, включить телевизор, принести книгу, приготовить что-нибудь вкусненькое и т.д. Да, вам не показалось, юная особа стала больше, чем сиделка. На нее стали перекладываться и хозяйственные дела по дому. В общем, юная золушка с восходом солнца и до самого покровы ночи была вся в делах, и так каждый день. Иногда, когда госпоже наскучит сидеть одной, она подзывала

к себе девушку, и просто беседовала с ней. Разговоры были совсем обычные, ничем не примечательные, абсолютно бытовые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.